

Вам должно быть первые две части показались рваными и несвязными. Это возможно. Дело в том, что у меня есть вполне серьёзное оправдание. Хотя оправдываться я и не собираюсь. Нет смысла. Надеюсь после этой части станет ясен повод, побудивший меня написать всё это. Труднее всего было начать. Иногда начать сложнее даже, чем довести дело до конца.

Изначально мне хотелось написать рассказ о потере. О том как вероломно у меня был забран брат. Я правда до сих пор слышу тот голос из трубки, оповестивший меня о его смерти и тщетности попыток что-либо изменить. Самым главным, вокруг чего и выросла вся эта затея, был один момент. Когда брата не стало, то каждое воспоминание о нём почему-то(до сих пор так) ассоциируется у меня с первой балкой. Это маленький заливчик недалеко от дома нашего деда(бабушки уже тоже нет). Мы часто ходили туда ловить рыбу. Бывало просили деда ещё с вечера разбудить нас, когда он встанет доить корову. Это примерно пол пятого утра. Мы шли в кухню во дворе, пили там кофе с вкусными бабушкиными ватрушками; безбожно пердели и, собрав удочки, уходили. Мы шли на другую сторону, обойдя водоём по дороге, которая вела ко второй балке.

Мы долгое время ловили рыбу в одном и том же месте. Было нам тогда лет по тринадцать. Сопровождали нас в этом походе две удочки, пустое ведро, бутылка воды из колонки и пачка Примы. Комары у водоёма были невыносимы, они не давали и минуты покоя, заставляя нас отгонять их ежесекундно. Только курение Примы, от которой глаза слезились как от поездки на мотоцикле Урале по бескрайним полям нашей области, позволяло отгонять этих кровопийц хотя бы от лица. И вот один из таких дней я и представлял себе. Мне хотелось в нём заменить себя тогдашнего, чтобы сидеть рядом с ним. Просто иметь возможность находиться в нескольких метрах от живого брата.

Первые года два он постоянно снился мне живым. Мне удалось заработать эту привилегию, оставшись в Москве во время его похорон. Я бы не дал им его закопать. Вообще небо у нас не ахти. Обычно оно монотонно серое, или светло-голубое. Когда я был на кладбище на год, то небо на удивление выглядело как крупная автострада: облака на нём так чётко стояли друг за дружкой, как-будто по разлинованным графам. Они были настолько контрастны, что заставили простоять меня несколько минут с задратой головой, когда я возвращался с кладбища в город. До сих пор помню свой первый

сон, когда я вспомнил правду. Мы были у деда, брат спал на кресле у печки, я же просто шёл мимо. Было утро и я начал его будить. Он начал недовольно огрызаться, говорил, чтобы дал ему ещё поспать; но сам уже сидел, поставив ноги на пол. И тут я вспомнил и начал его обнимать и целовать, и в слезах сказал ему – ты же мёртв. После этой фразы он обиделся и оттолкнул меня; ему стало обидно, что я смирился.

Когда прошло две недели после его гибели, я позвонил своему самому старшему другу (разница у нас составляет пятнадцать лет) и рассказал о случившемся. Почти всю беседу я держался, но всё равно потом расплакался. Дружище сказал, что единственный способ – это отпустить брата. Как он посмел тогда такое сказать? Мне наоборот хотелось обнять брата и никуда его больше не отпускать! Первые полгода мои выходы на улицу сопровождались внимательным разглядыванием людей. Я их ненавижу. Всех. Самой яркой ненавистью. Они живы, а он нет. Ну почему этот доходяга, который стреляет семечки у остановки жив? Уж он то точно никому не нужен! Почему он сейчас грязный трётся возле людей, спешащих на работу, или на учёбу, и говорит им, что ещё не понятно, кто грязнее. Ему же лет под сорок. А тот дед, что шёл через площадь, из последних сил держась за свою Десну. Ему то жизнь зачем? Ну зачем? Объясните мне! Ведь брата мы все любили. Он не ушёл; его отняли.

Было очень трудно видеть людей, которые его знали. Я машинально опускал голову. В каждом взгляде мне виделся упрёк, что разрешил его забрать. Как будто я мог что-то изменить! Меня что, спросили? Люди! Как же многого мы добились. Анатолий Вячеславович рассказывал, что вероятность появления самолёта возможна, но она равна единице в минус сотой степени. Люди преодолели эту возможность. Великие существа. И всё же, что они могут? Разве могут они, даже захотев все вместе одного и того же, сделать простое чудо – воскресить одного себе подобного? Нет. Не могут. Мелкие существа. Да и пока будут спорить кого же единственного воскресить, погибнут миллионы.

Так вот мне хотелось сидеть с ним рядом и ничем себя не выдавать. Просто внимательно разглядывать: как он недовольно отгоняет докучающих комаров; как выдыхает едкий дым через нос, когда надевает на крючок червяка; как просто дышит. Он всё сильнее и сильнее расплывался бы. Не знаю. Мне наверно казалось до этого, что какие бы штормы не происходили вокруг, у жизни есть для нас, её

любимчиков(иначе нас бы в ней не было), некие законы, которые выступают в форме ручек, схватившись за которые можно устоять. Их не видно, но они есть. Мне казалось, что смерть приходит после жизни. Когда-нибудь в старости. Когда-нибудь. Но эта плутовка ворвалась; она просто оттолкнула жизнь, повергла её и та упала. Ручки вмиг исчезли, а так как ты постоянно за них держишься, как за поручень в троллейбусе, то есть натяжение. И вот моя же рука и разбила мою же голову с размаху. А когда ты уже сам начинаешь себя бить, то вера во всё остальное пропадает тем более.

Мне кажется я сидел бы так некоторое время, а потом всё равно отшвырнул бы удочку и прыгнул его обнимать. Повалил бы. Он бы конечно начал обзывать меня придурком, или засранцем; но потом, поупиравшись некоторое время, думаю обнял бы меня тоже. Это всего-лишь мечты. Иногда у нас в городе проводят дурацкие соц-опросы, как и везде. Так вот я думал если попаду на такой и меня спросят, что больше всего мне хочется, то отвечу – обнять погибшего брата. И уйду.

Когда приехал домой, то обнимал всех своих друзей и девушку, даже до нервной дрожи. Как никогда мне была дорога возможность виснуть на них при обнимании, чувствовать их щёки собственной. Это невозможно представить; только вспомнить. Самое странное, что в тот момент мне не захотелось перекинуть часть любви с брата на ещё живых. Скорее всего ещё и часть отобрал у всех и кинул вдогонку ему. Было что-то типа мысли – а что их любить-то? У них всё хорошо. Они живы. Вот ему... Как же я охладел ко всем людям. К чужим так вообще. Прошлое не проходит. Сказать, что оно проходит, так же безграмотно как и то, что шуба греет. Прошлое остаётся в моменте; оно монолитом вливается в основы времени и уже никуда не шевелится. Оно статично. Это мы как бы идём вперёд. Не оно удаляется. Чтобы иметь его на виду, нам приходится развернуться к нему лицом; и вот тут уже и получается, что идём в будущее спиной. Это как проехать мимо дерева и остановить взгляд на нём, пренебрегая опасностью выехать из колеи.

Дело в том, что две предыдущие части мне совесть не позволит назвать выдумкой. Сам бы я не был горазд на такой бред. Большею частью это вытяжки из реальных разговоров; а так как за последние несколько лет публика в моей жизни была весьма разношёрстна(от преступников до кандидатов психологических наук), то и разговоры были разны. Только тренировки памяти позволили вытащить наружу

материал, который был во мне.

Скажу честно – эта часть будет и самой простой и самой сложной для меня. Ведь мне не придётся ничего придумывать. Ни секунды. Это будет самое простое повествование моей скучной(?) жизни. Не буду углубляться в дебри детства, но изредка буду дёргать из него пучки воспоминаний. Мне кажется, что сведущие во всём этом люди смогут заключить из моей истории много больше, нежели я сам.

Итак. Начну повествование от первого ноября две тысячи одиннадцатого года. 11/1/11. Именно эти цифры я решил набить на моём левом запястье, там где обычно находится циферблат наручных часов. Для цифр этих решил так же выбить круг с толщиной линии около трёх миллиметров. Именно в тот день я окончательно решил убить себя до двадцати семи лет. То есть цифре двадцать шесть предстояло стать последней в моём лето исчисления. Решение было серьёзное и бесповоротное. Третьего ноября я сжёг в Пенни Парке толстую тетрадь, полностью забитую моими мыслями, заметками и суждениями. С самого первого дня в Америке эта тетрадь возымела для меня громадную ценность, даже смерть какого близкого человека я бы воспринял не такой утратой, как потерю этого бумажного изделия в клетку. Под мостом, по которому проходит Бастлтон Авеню, и сгорала эта тетрадь: она выкручивалась, изгибалась и чернела под действием беспощадного огня. Всё. С ней сгорела последняя надежда на жизнь.

Самому мне конечно не представлялся такой конец. Про двадцать восемь лет я думал уже, но скорее всего мне виделось, что вернувшись в двадцать семь, я успею написать книгу, к которой так шёл. А потом хоть трава не расти. Какая разница, что будет со мной. Но взвесив все за и против, решил что 1280 дней(а именно столько мне бы оставалось при этом) слишком много, долго и нудно. Татуировка должна была символизировать собой постоянное напоминание о решении. Пути назад уже не было.

Только один раз мне пришлось засомневаться в своём решении. В день, когда я узнал о самовольном уходе из жизни старшего брата моего лучшего друга. Узнав об этом я просто места себе не находил. Как сейчас помню – это было воскресенье, на следующий день после того как я впервые попробовал кокаин. Тот единственный раз. Когда мне сообщили о смерти Димки, какое-то оцепенение прошло по

моему телу. Столько лет мне хотелось быть столь же бесстрашным, как и он. Я поверить не мог. Такой боец. Да-а. Но как это всё-таки на него похоже – он всегда рубил сразу. Раз и навсегда. На меня нахлынула волна горя, моего и близкой мне семьи. Как будто воздух в моей квартире стал плотным ватным матрасом, мне не удавалось дышать во всю грудь, как будто этот самый воздух давил на неё снаружи. Но как я мог его судить? Как? Полтора месяца назад я решил уйти и уже скорее лечу в пропасть, нежели беру разбег; а оставшиеся полгода, год(на тот момент я ещё не решил точную дату) – это глубина той самой пропасти. Финал – дно. Я не поддерживал его выбор, но уважал. Мне было очень жаль, что этот человек так решил; страдания моего друга и их родителей не давали мне спокойно продолжать начатое.

Моя мамка не знала его лично, но соболезновала горю их матери. Она спросила меня – как она? Я ничего не нашёлся ответить, кроме как – угадай. У меня в голове со злостью крутилось “скоро сама узнаешь”. Странная обзлённость на самого близкого человека. Сколько людей поменялось за недолгие двадцать пять лет моей жизни. Были и те, что говорили, что любят меня больше своей собственной жизни. И где они все? Именно – где-то. Она же со мной; даже после того, как я бросил институт и всё сделал по-своему, совершенно наперекор её желаниям.

Вот тогда-то я сомневался в решении. Ведь пути назад не будет. Факт. Это не сопли в подушку пускать о том, как бывает трудно. Будет никак. Даже начал говорить себе – поборемся! Конечно врал. Решил то бесповоротно. Хоть меня и напугало в начале решение этого сильного человека, впоследствии оно же мне и помогло довершить начатое. С меня было снято обвинение в трусости самим же мной. Его сняло бесстрашие Димки. После дружнице прислал мне фильм, состоявший из фотографий его брата. Смотреть его было почти невыносимо. По правде сказать, в день когда я узнал о произошедшем, я не плакал. Был слишком потрясён случившимся. Посидел, подумал; обкурился. Пока смотрел начало фильма, держался. Даже совладал с собой, когда сам мелькнул на фотографии рядом с Димкой. Дальше было сложнее: сначала отец обнимал двух своих сыновей(я напрягся и старался не дышать); когда же на экран вылезла фотография, где мать и отец обнимали их обоих в день прихода Санька из армии, я разрыдался. Плач просто ударил из меня. Брат моего лучшего друга тоже теперь не вернётся.

Память о моём брате так глубоко засела в меня, что в любой момент любого дня я помню его рукопожатие. Он был ещё выше меня, за метр девяносто, поэтому у него руки быстро становились холодными от недостатка кровообращения в конечностях. Руку он всегда жал без напряжения, но и не вкладывал её мёртвой. Мне кажется, что если налить мне на ладонь кипящий свинец, то он несомненно примет форму его руки. Можно будет снять матрицу. Вот так люди и остаются в нашей памяти; не самими собой, а нашими чувствами о них. Ведь как сильно я переживал, что ему было больно. Всё детство мы с ним дрались и я помню как брат плакал, как ему было больно, когда он получал от меня. Мои уши несколько месяцев насилуют его крик; крик, который я себе представлял. Мне постоянно виделось, как он падает с этих злополучных лесов, и кричит сорвавшись. Потом удар. Он мёртв. Кровь медленно потекла изо рта. Когда тётя приехала на опознание, у него было немного запёкшейся крови в уголку рта. Её попытались успокоить тем, что смерть наступила мгновенно, и скорее всего брат даже не успел ничего понять. Он не успел понять, как умер. Я же не мог понять как живу.

Интересно, вот эти все разговоры про жизнь за гранью. Мы их поддерживаем, потому что хотим, чтобы ушедшим там было лучше; или же себя успокаиваем? Им там лучше. Что о них? Пора бы и о себе подумать. Ведь нам дальше идти.

Я хочу чтобы эта часть стала пособием для тех, кто решил уйти отсюда. Нас сюда закинули без нашего согласия. Мы с друзьями сажали двух богомоллов в кабину игрушечного самосвала и те съедали друг друга; не выживал ни один. Много позже после своей прогулки с магазина, когда я шёл и улыбался как дурак, мне довелось встретить статью в интернете. Оказывается это крайняя степень нигилизма. Дюркгейм во всех разрезах описывает это состояние. В принципе я догадывался, что не один такой. Но эта статья была даже наглостью. Друзья, нас порезали на лоскуты, дабы удовлетворить дряблые животы профессоров.

Какой бы крутой ты не был для себя, уясни одну истину – мнение окружающих вещь неотступная. Даже когда ты на все сто уверен, что тебе срать на него, это самообман. Да, пренебрежение много сильнее ненависти; но есть вещи зарытые глубже простого осознания самого себя. Чуть не забыл. Эта часть называется

“Свидание”. Просто недавно смотрел американский фильм в оригинале, и там встретилось слово wisdom. Уж не знаю как, но мне показалось, что я его вспомнил и оно значит “свидание”. Даже подумал назвать “Date”, но не стал. Так что если вы заглянули в словарь, чтобы перевести название, то это не то. Совершенно не то.

Чтобы себя убить – необходима вера. Очень нужна вера. Допустим ты нигилист и не веришь ни во что. Что тогда? Всё становится ещё проще. Роль бога начинаешь играть ты сам. Все проповедники – ложь! Они лишь секретари своего боса, в кабинет которого они никого не пускают. Говорят, что занят постоянно. И поэтому его никто не видел, но через них направляют ему свои послания. У них дорогие телефоны, чтобы быть с ним на связи; обалденные машины, чтобы добираться в офис. Их бог не для нас. У тебя есть ТЫ. А два бога – это уже кощунство. Можно ещё прибегнуть к наркотикам. Но это для слабаков. Обычное моё состояние много сильнее обдолба. Кокс же это всё равно что купить для бега шлёпки, когда и босиком быстрее. Адекватное состояние самое жгучее; ничто так не бьёт по мозгам, как здравость рассудка и настоящее понятие происходящего вокруг. Не те шаблончики, что накинута на податливые шеи большинства; вот они и клонят их, придя с работы домой. Трудно тянуть ярмо, кто бы что ни говорил.

Каждый может сказать мне, что это сейчас ложь. Выдумка. В таких ситуациях люди ведут себя по-другому. Пожалуйста. Дело ваше. Может кто-то и ведёт себя по-другому; да только это отдельно взятая ситуация. Она вполне не претендует стать первоосновой. Это как многочисленные рецепты приготовления жаркого. У каждого свой путь. В таких ситуациях нужно как никогда близко сойтись с самим собой. То есть во всём ценить лишь своё мнение на все ситуации, происходящие вокруг. Ни в коем случае не спорить; человек, который выскажется вам по какому-либо поводу, сам забудет потом об этом быстрее вас. Стало страшно, когда я понял, почему же Гоголь сжёг вторую часть Мёртвых душ. Ну и все другие идентичные, но неизвестные поступки. Ведь делиться и вправду не с кем. Разве поможет это? Вряд ли. Это как находиться в падающем с моста поезде, и изо всех сил упираться в потолок, надеясь тем самым предотвратить падение. Смешно. Те, кто на самом деле крут – убили себя. Они по тихому вышли из кинотеатра.

Кто знает как мы берём билеты в этот кинозал? Причём они строго пронумерованы. И места с лишком разнятся. Большинство

сидит в этом кинотеатре на жопе и даже не знает, что места, отношения между соседями и сам фильм – ничего не значат. Это лишь момент. Смысла нет. Кто-то сидит семьдесят лет и так и не научается видеть, другие выбегают лишь увидев кресла; причём даже не по своей воле. Кино там идёт постоянно, без начала и конца. Каждый попадает лишь на определённый кусок, но начинает утверждать, что знает суть всего фильма. Что он знает, что показывали до него и что будет после. Но большинство не думают о том, что будет после. Для них есть только сейчас и только их собственный сейчас. Кинотеатр устроен так, что те, кто ближе к экрану, реже оглядываются назад. Им всё равно, заслоняют ли они кому экран, главное, что им самим видно хорошо. Но и они смотрят заготовленный фильм, но не могут изменить его; они всего-лишь более богато одетые наблюдатели. Те же, кто сидят сзади, мечтают попасть на места тех счастливых по их мнению. Эти тупицы даже не понимают, что кино не меняет своей сути; лишь кресло становится поудобнее, да разносчики попкорна начинают сильнее прогибать спины. Самое интересное, что в этом месте есть забавы для каждого: кто-то сосётся на задних рядах; кто-то внимательно следит за экраном и думает, что в этом и есть суть происходящего; кто-то разносит попкорн изголодавшим посетителям; кто-то спит весь сеанс; иные специально отворачиваются от полотна и разглядывают ситуацию вокруг, они силятся понять происходящее; некоторые же всё время бегают по рядам и кричат в уши спокойных посетителей, что кино куплено, режиссёр туп и продал их за собственную выгоду. Осталась лишь одна категория: это те, кто смотрят на всё это со стороны. Они спокойно, чтобы остаться максимально незамеченными в этом злочном месте, выходят из зала до окончания сеанса. Кто может их судить? Да и имеет ли кто право?

Одно время я снимал кусочки для фильма про нигилиста. Снимал видео в Нью-Йорке, Вашингтоне, Филадельфии, Чикаго, Питтсбурге. Мне хотелось высмеять его. Вести от лица нигилиста монологи о дешёвости и ненужности всего окружающего, чего проще – говорить мысли вслух. Самая загвоздка хранилась в смысле – хотелось высмеять эту теорию. Как я могу высмеять себя самого. Дело даже не в эгоизме; дело в том, что я просто не знал как это сделать. Это как ребёнок, который смотрит комедию с родителями и ржёт, вторя их смеху. Я не дорос до следующего уровня. Да, было уже отрицание нигилизма, но не было факта его перерастания. Как

нелегко высказывать простые мысли. Может те, кто придумали алфавит и слова специально исключили возможность идти против системы? Это как Робокон, который не мог застрелить работников своей корпорации.

Перед глазами были примеры умных людей: Достоевский, Гончаров, Тургенев даже. Как они смогли? Почему путь на балкон был через эшафот? И вот они прошли его и уселись восседать над низкими человечками, а я остановился посередине пути и сам себе накидываю петлю. Палача даже нет, а я всё равно управляюсь сам. Ведь я один; помочь некому. Вот тогда и пошли выверты. Человек, умеющий размышлять, всегда себя оправдывает, выкрутится. Тот ещё подлец. Так вот я начал гнать на Достоевского, что он продажная шлюха, любил царя и повиновался ему. Вот и написал про бесов, высветив их с самой низкой стороны – мол, те, кто против системы, те грязны. Устой превыше всего. А те, кто покушаются на них – нечисть. Я отчётливо представлял себе, как Достоевский берёт деньги от царской полиции за продвижение проправительственных идей. Как с его согласия ставят памятник напротив Кремля. Разве сможет в таком месте находиться честный человек. Это было нечто похожее на ситуацию, когда воры полезли через забор и тот, что ещё не перелез кричит добравшемуся: “Ну как там?” Тот начинает описывать, но оставшийся ещё по эту сторону не верит. Может ли быть такое?

Все эти размышления прилагаю как материал для лечебной карточки. Просто, прозрачно, честно. А чего мне уже стесняться то? Если кто-то думает, что решение убить себя легко, то он глубоко ошибается. Постоянно приходит мысль “зачем?”, и её постоянно приходится кормить. Сознание неприлично прожорливо, и даже может съесть себя при отсутствии еды извне. В таких случаях лично я поступал следующим образом: надо придумать для себя абсолютно иной устрой мира, по которому ты всё делал бы правильно, идя на этот шаг. Это возможно. Ляпы можно находить даже в действительности. Было бы желание.

Я начал находить такие несуразицы как заправленный бак. Мы приехала как-то на работу на почти пустом баке, а уезжали с неё на полном. И я знаю, что никто не мог его заправить за день. Мне подумалось тогда ещё – плохо они работают. Кто эти они? Да те, кто нас сюда выпустил как мальков в унитаз. А как надоеет – смоят. Тогда мне пришлось(именно пришлось) уверить себя в том, что есть некие они. Нет, это не вонючие правительства, которые всего-лишь

ещё большее говно, чем мы сами; ни какой-нибудь подsunутый бог, уповать и молиться на которого следовало. Нет. Кто-нибудь на самом деле властный; кто-нибудь, кто в тени. Настоящие хозяева не показывают себя, у них нет тщеславия. Им достаточно и безграничной власти. Вот так, перенеся себя из лагеря самых многочисленных рабов, я оказался в таком же лагере, границы которому уже чертил сам. Но странное дело: даже опровергнув всё и вся, всё равно получилось выставить себя чьим-то рабом. Наверно это лежит очень глубоко; этого не выкопать из себя.

Временами мне казалось, что они и смотрят за мной; подсовывают эти несуразицы – откликнусь ли на них, или же пропущу мимо. Подорвёт ли это во мне веру в себя, или ещё сильнее в мир? Я думал(не в шутку), что сплю в данный момент, а мне снится чисто мой кошмар. А так как я недалёк, то и проблемы вокруг низменные. Все эти войны, терроризм, споры, распродажи, менструации, алименты, глобальное потепление, жизнь, смерть. Это лишь выдумка моего поехавшего рассудка. То есть я пренебреженно проснусь в нормальный мир по окончании этого кошмара, и разглядев, что всё позади, моментом вспомню настоящие устои. Подобные мысли необходимы. Невозможно отмазаться фразой “а просто так”. Тут нужна вера. Неиссякаемая вера в то, что ты делаешь правильно.

В другие моменты на меня накатывало по-другому. Тогда мне виделась вся эта ситуация в другом свете: я взятый мозг самоубийцы, который исследуют. То есть хозяин лежит себе в морозильнике и забот не знает, а я заново прохожу все этапы перед. Под неустанным взором медиков, психиатров и прочих. Даже не мог себе сформулировать точно; то ли это воспоминания его, в которые меня вживили; то ли я ещё живой он сам. Одно было ясно – конец неминуем. Это не игра на публику. Наоборот; глухая оборона в одиночество. Тем более от этой ситуации был неоспоримый плюс.

Когда человек знает, когда он точно умрёт, то он может с совершенно спокойной совестью отрешиться от материальной грязи. Чтобы предотвратить полёт нужно всего-лишь привязать немного плоти. Несколько килограммов плоти утянут вас на самое дно. Плоть изменна. Бессмертная душа проигрывает по всем направлениям недолгому зловонному телу. Тело сильней. Особенно в этой стране. Чутка об Америке словами нелегала, который два года её топтал. Как-то зимой я шёл из центра к набережной. В очередной раз шёл из

азиатского салона. Лично у меня не получилось поддерживать с девушками нормальные отношения. Когда начинаешь ждать от них большего, нежели секса, то они не тянут. Пусто с ними. А только ради секса ничего и начинать не захотелось. Слишком большие эмоциональные дыры не заштопать трением члена о стенки влагалища. Не выйдет. Для этого легче связаться с шлюхами. Кстати в этой стране практически невозможно найти не шлюху. Приезжие, местные, уже не имеет никакого значения. Шлюхи по профессии, шлюхи, с которыми живут и эмоциональные проститутки. Шёл я от кореянки; по иронии попала та, что и в июле. Она молодец, идёт в ногу с окружающей ситуацией. Полгода прошло, она уже научилась улыбаться как дура, хвалить и называть меня милым и красивым. Многого здесь добьётся. Снова сосала без гандона; в жопу не дала. Принципы. Иду значит я мимо всех ресторанов и закусочных; разница лишь в цене еды. Обхожу Феррари, Бентли – суббота. В окнах девушки обнимаются с владельцами сих автомобилей. И, если честно, девушки средненькие. У нас таких на двадцать девятой Волге возили трахать на пляж и те рады были.

Сейчас небольшая схема.

Еда. В этой стране это идол большинства. Едят все и вся(всё). Так вот благодаря этой доступности искусственно выращиваются свиньи. Как часто мне попадались на улицах молодые девушки лет двадцати, обхват талии которых близился к полутора метрам. Вполне симпатичные мордашками, они совершенно отпугивали своими жировыми складками вокруг хрупкой души. А что – парень найдётся. Тут тёлки самый дефицит. Семь из десяти весят за сто килограммов к моменту половой активности. Умная политика. Оставшиеся ценят себя втридорога, и знать не хотят других законов. А вот этим самым владельцам дорогих машин и приходится, как попугайчикам показывать своё оперение. На Хонду Аккорд никакая уважающая себя девушка не посмотрит. Это удел белого мусора. Снимаю шляпу.

Еда продолжает идти по обширным коридорам капитализма. Это бесплатные крекеры на улице и ларёк по продаже воды в соседнем квартале, цены в котором завышены в десятки раз. Медицина сродни еде, без неё тоже невозможно нормальное существование. Поэтому цены на неё можно поднимать безбожно. Не хочешь – тусуйся. Кайфуй на пару со своим диабетом, или ожирением. Ведь никто не впихивал в тебя весь этот шоколад и гамбургеры. Правда? Ну так чего ты теперь, мой жирный больной дружок? Это лишь часть.

Допустим каждый раз, когда еду в метро, то вижу людей, которые сидят в тёмных очках, у каждого наушники. Каждый сам по себе. Идеальная почва. Причём наглость позволяет мне смотреть им в глаза. Они пустее желудей. Это куриные яйца, которые подвергли обработке и они стали совершенно пусты внутри, но оболочка осталась; она имеет некоторую прочность и этого вполне хватает им оставаться гражданами этой страны. Большого от них никто и не ждёт. Да и они уже на большее не способны. Разговаривал с соседом: это чёрный дядька лет сорока. Он работает мусорщиком пять дней в неделю, ездит на старенькой маленькой Шевралюхе; и пьёт и курит каждую свободную минуту своей жизни. В выходные он даже не вылезает из дома, ему и там хватает приключений. Табун лошадей можно убить, просто загнав его к нему в домик. Дым уже заменяет полки. Я разговаривал с ним в четверг или среду и то он был в дрова; глаза были краснее языка. Так вот он начал заряжать, что Америка страна, в которой каждый может добиться всего чего только пожелает. Приводил примеры Майкла Джексона, Стиви Уандера. Главная его фраза за тот вечер была – Everybody can't drive Bentley (все не могут водить Бэнтли). Как же они свыклись уже. Сначала наверно было трудно навязать такой уклад мыслей: ты не достоин быть богатым, будь нищим. Сейчас же это приносит дивиденды – они сами себя теперь оправдывают этим. Они поверили, что у всех американцев равные возможности при достижении. Это всё равно, что поставить на беговую дорожку соревноваться бегуна и инвалида на костылях. Ну не рай ли?

Но этот мужик ниже среднего. Америка же держится на своём нерушимом монолите – среднем классе. Попытаюсь описать этот слой населения, ни в коем случае не претендуя на истинность. Люди эти напрочь лишены воображения. За них давно уже решили более умные, так куда им с ними теперь тягаться. Они это понимают и принимают. Это люди ревностно платят налоги, зная, что они вернутся в их пользу. Но вместе с тем, как оголтелые носятся с каждым послаблением в них; могут до смешного собирать чеки и списывать их с общей суммы в конце года. Они понимают, что они средние и всегда рвутся залезть повыше. Они дрочат на дома и возможности богачей; всё больше и больше заискивают перед ними; и всё с большим омерзением относятся к людям ниже их по статусу. Эти люди верят в государство много больше чем в личность. Государство всегда право. Они полностью подчиняются полиции, или

же часто и являются офицерами полиции. Для них установленные нормы превыше всего. Никогда эти люди не тратят время на обдумывание политики, как чего-то навязанного. Они чтут её как истину. Они защищают большинство установленных норм, и при разговоре часто упоминают плюсы американской системы. Минусы видят, но считают это лишь побочным действием лекарства под названием демократия. Хоть они и следуют правилам со всей внимательностью, но поменяй правила в корень – они первые перестроятся на новый лад; самым безболезненным способом для себя, предав устаревшие устои. Будь это в России, то они бы стали говорить “кофе моё” на следующий после принятия нового правила день. Они всегда следуют и никогда ведут. Они смотрят Национал Географик и принимают всё как истины; ведь их для них и открывали. Эти люди поддерживают республиканцев и каждый раз, когда видят в магазине людей с дотационными картами, считают, что кормят их. Им кажется, что это только благодаря им развита медицина для бедных; но они же и негодуют по поводу бесплатной помощи им. По их мнению лучше пусть бедного порвёт пополам, чем будут тратить тысячи налоговых долларов на его лечение. Они добры; но добры по принуждению. Система говорит им – надо быть добрым. И они считают себя даже жертвами, которые в ущерб себе (по их мнению) творят добро другим. Добро они в себе держат как бы про запас, на всякий случай; надеясь, что в будущем его можно будет обменять на что-нибудь действительно полезное; материальное. Это самая статичная группа людей этой страны. Это и верно – ведь основа должна быть устойчивой. Она должна минимально бродить от разных движений. Один мой знакомый попросил меня одним словом охарактеризовать штаты. У меня в мозгу родилось лишь – жир.

Это всего-лишь моё мнение об Америке. О России его вообще нет. Россию я совершенно разучился понимать. Никогда не называл её рашкой – это удел недалёких людей; штаты же никогда не звал пендосией. И там и там роль была навязана. От простых людей не зависело ничего. Последние годы не смотрел новости ни там ни тут. Какая мне разница. Но вот со мной зло подшутили – прислали ссылку на шабаш правящей партии. Двенадцать тысяч подтанцовки Твиксу. Хуже сериала по НТВ. Честное слово. Шло это мероприятие минут двадцать пять. Всё это время не получалось дышать во всю грудь, что-то мешало; притом возникало ощущение обволакивания моего тела густой противной жижей. Она лилась на меня из глубокого

ушата, текла с головы на туловище, оставив чистыми лишь глаза, чтобы я не потерял возможность лицезреть бал каннибалов. Как у них всё просто. Очень тогда расстроился.

Не могу не рассказать об одной неделе из моей жизни. Когда знаешь, что умрёшь меньше чем через год, то приоритеты для тебя меняются. Ещё после смерти брата я оборвал все напрягавшие меня связи. Зачем они? Зачем делать, то, что тебе не хочется? Бред какой-то. Как-то мне рассказали о разговоре с человеком. На работе одной девушке пришлось выслушивать свою клиентку. Знакомая жаловалась, что еле дотерпела до конца разговора. На меня эта ситуация подействовала тысячекратно. Я не мог понять – зачем она её выслушивала? Это полностью противоречило моим устоям за последние несколько лет. А потом наконец понял – ведь не у всех есть возможность заставить заткнуться неприятного ему человека. Ужас. Как же они это терпят? – подумалось мне тогда. В ту неделю я дважды был в кино и один раз на крутом рок-концерте.

Почему-то я не смотрел ни одного фильма в 3D. Мне было совершенно не интересно. Да и в кино, признаться, в последний раз я был в 93-м. Мы тогда нашим чем-то вроде пионер лагеря ходили на “Джентльменов удачи”. Мне было семь лет. С тех пор кинотеатр ни разу не заманил меня в своё лоно. У меня даже возникали ссоры по поводу этого. Так вот я решил сходить – какая уже разница то. Шёл новый кот в сапогах, тот, что отделился от Шрека, как Юлия Ковальчук от “Блестящих”. Получилась каша из топора. Туда накидали всего; всех героев, все сюжеты, хорошо смешали, но не взболтали. Бред, что и говорить. На сеансе были мы втроём и ещё тип с русской тёлкой; и всё. Вот вам и американский кинотеатр по последнему слову. В нескольких моментах, когда 3D замещало щуплость сюжета, я пожалел, что жёстко не накурился. Самое главное, что перед мультим были ревьюшки будущих фильмов. Половина из них была про чёрных. То благодаря чёрным победили во второй мировой; то они жили в миллионных пентхаусах Сан-Франциско и ездили на поршах. Короче, пилюлю обильно смазывали гуталином, чтобы её было легче проглотить будущим избирателям Обамы. Как же у них тут всё продумано; даже гордость берёт.

На следующий день я посетил концерт. В Филу приехали четыре команды. Признаться ни с одной я не был знаком на достаточном уровне. Выступали Rains, Hatebreed, All that remains и хед-лайнер Five

finger deth punch. Было супер. Начали Рэйнс, это оказалась простая лёгенькая рок-команда. Меня удивляло чувство такта американцев; они каждый извинялись, если слегка меня задевали, когда шли мимо. Потом начал рубить Хэйтбрид. И Тогда я понял, что зашёл не совсем в ту фан зону, в которой думал находиться. Мне в спину полетели люди, именно люди, которых кидали другие. Оказалось, что я стоял спиной к освободившемуся кругу. И вот в этом кругу и начался ад. Такого слэма я ещё не видал в жизни. Поначалу я слегка огрызался на прилетевших, потом развернулся и начал обороняться от атак. Играла песня “Destroy everything”. Такая ритмичная, кайф! Под неё я уже сам начал хватать людей по соседству и швырять в центр месива. Спустя секунды сам с разбега ворвался в побоище. Никто не бил выше плеч. Но я ужасно устал отбиваться от этих свиноподобных ребят с ирокезами. Приходилось бить и толкать сразу во все стороны. Я толкал их и кричал со всей силы “за-е-ба-ли!” Конечно меня никто не слышал. За эти минут десять слэма я устал почти до потери всех сил и пошёл попить воды к самому выходу. Там люди лишь в ритм музыке мотали головами. Бутылка тряслась вместе с моими руками. Дыхание было ни к чёрту. Я сел на место охранника у входа(больше было некуда, на улице лило как из ведра) и многие подходили ко мне с вопросами; приходилось объясняться. На концерте было тысячи две фанатов. В их рядах я заметил лишь двух чёрных. Вот так, три года спустя после Подземки, я посетил клуб Electric Factory. Концерт был 22 ноября 2011 года. Пока сидел у входа, купил футболку Hatebreed. Лучшая команда на том концерте.

На следующий день я пошёл на фильм про “Улицу Сезам”. Как же было забавно смотреть на реакцию американцев на комедию. Причём самые смешные фразы я не понимал; но закралось ощущение, что пойми я их как на духу – всё равно бы и не улыбнулся. Когда сказал на работе на какой фильм ходил, у меня спросили – что, совсем плохо стало? В ту неделю я жил как настоящий американец. Работать выпало один день, а потратил более семисот баксов. Так они наверно и тратят больше, чем зарабатывают. А может и нет. Не могу знать.

В конце февраля я сделал себе свою первую татуировку. Это круг на месте, где обычно находятся часы. Простой он был лишь для тех, кто любопытно спрашивал – а что это значит? У меня был заготовлен ответ. Время ничто – говорил я вопрошающим. На самом деле она значила – время пошло. Пошёл обратный отсчёт. Я решил

грохнуть себя на своё двадцати шестилетие. Мне показалось забавным совпадение цифр даты рождения и смерти. Иронично. Ещё это была первая и последняя буква слова, которое стало моим путеводным знаменем после гибели брата. После я даже думал сделать из меньших по размеру букв как бы ремешок. При таком раскладе слово бы начиналось и оканчивалось этой самой буквой О.

А жизнь тем временем шла, и всё в ней было в последний раз. Несравненный опыт. Его невозможно придумать. Я не стеснялся на размышления, тем более никому не собирался их открывать. С января я ничего не писал, и даже удалил с компьютера программу. Я даже удалил все электронные записи. Иногда на меня опять находили мысли убить этих уродов. Себя всё-таки гасить было жалковато. Думал, как и где буду доставать ствол. Простых решений не хотелось. Решил ехать в самый чернятник, где по данным филадельфийских газет каждую неделю снимают урожай трупаков. Думал приеду к ним без документов, и выйду на самую весёленькую улицу. Скажу – ребята, дайте пожалуйста мне пистолет; надо пару мазафакёров проучить; насмерть. Если туда поеду, то уже точно всё будет до лампочки. Отработать ствол собирался русской рулеткой. Вставить один патрон, прокрутить барабан и щёлкнуть в висок. Если выпадет патрон, то повезло злодеям. А мне и так уже одна дорога. Но после неоднократных размышлений решил, что лучше просто себя валить в этой ситуации. Может мир хоть чуть-чуть добрее станет, если я не успею лишить его пары жителей. Убить их тогда было бы равносильно поведению родителей, которые увидев обосравшегося ребёнка, начали жестоко избивать его, вместо того, чтобы приучать к горшку. В чём виноваты люди? Они получили этот мир в наследство, и коль я не допетрил, как его изменить к лучшему, то хотя бы не сделаю ещё чернее. Уж если этот мир так стал ненавистен мне, то перефразировав фразу “Хочешь изменить мир – начни с себя”, я синтетически вывел “Хочешь уничтожить мир – начни с себя”. Так он хотя бы точно сгинет навсегда. Потом, чтобы стало легче принять это решение, я доказал себе, что бороться с жизнью – точно проиграть ей. То есть если ты ушёл из этого мира, не успев измазаться в нём, то переходишь на следующий уровень; если же ты начал бороться и дорожить всей этой грязью, то погрязнешь в ней навсегда, без возможности увидеть нечто лучшее.

Как-то я шёл по центру и мне навстречу вышла китайка. Вышла и вышла, подумал я; но когда дошёл до того места, откуда она

вынырнула, увидел, что выйти ей физически было неоткуда. Там не было лестницы. Вот и ещё один косяк – подумал я. Даже захотелось догнать её и отвесить смачного пенделя, раскрывая её поддельность. Но я испугался, а вдруг она просто сидела ссала там за этим бортиком. Приспичило. Вот она и вынырнула оттуда с наглой рожей, как и большинство китайцев. Короче, в любом случае эту китайку я записал в пользу своей теории. Когда занимаешься серьёзным делом, важна каждая мелочь.

На протяжении всего моего нахождения в штатах моё общение с людьми проходило по следующему сценарию: я подсовывал собеседнику надувную куклу себя, и пока из неё выходил воздух (а этого вполне хватало, чтобы поддерживать беседу), внимательно следил за собеседником, изучал его. Поэтому всегда наблюдал за поведением людей, наблюдающих за моей куклой. Эта практика не дала ни одного сбоя: все разданные характеристики в конце концов оказались верны.

Время уходило, но теперь я его тратил на сейчас. Никаких тупых обязательств перед будущим. Все контракты с ним сгорели в парке ноябрьской ночью. Теперь я мог (как тогда думал) наслаждаться жизнью. Именно жизнью, той, которую нагло воруют у большинства людей. Деньги улетали в момент. Получив зарплату за неделю, я сразу же брал 200-300 на выходные. Чего ждать? Будущего нет, зато есть настоящее. Никакого страха по поводу будущих войн, эпидемий, революций; кайф. Редко эти деньги доживали до понедельника. Когда я ещё только мечтал попасть в Америку, то часами просматривал сайты с одеждой и обувью. Больше всего я люблю кроссовки. Поэтому изначально думал купить здесь кроссовки New Balance. Мне казалось, что это самое, что ни на есть олицетворение американской обуви. Но всё никак не мог найти себе представителей этой фирмы по вкусу. Накупил уже восемь пар обуви, а бэлэнсев так и не было. И вот в апреле я купил себе понравившуюся пару. Расчёт был на то, что это последние кроссовки в моей жизни. Впервые я купил чёрно-серые кроссовки – пора было взростеть из цветов; но до конца не получилось: окантовка пестрила редкими оранжевыми полосками.

Почти каждый день катался на велосипеде. Причём ездить на расстояние не имело никакого смысла. Мне хотелось научиться ездить на заднем колесе. И я тренировался. Без дисковых тормозов было сложно, тогда я нашёл видео с объяснением самого процесса. Оказалось, что большинство видео-учителей сами в своё время

учились по году и более. Фак! Времени не оставалось. Решил плюнуть. Мог несколько оборотов проехать по плазе и хватит. Жаль конечно, что не успел. Ну да ладно. Параллельно ходил в зал. Когда-то добился хороших результатов. До двадцати одного года я весил на свой рост слегка за шестьдесят. Потом догнал за восемь месяцев тренировок семьдесят шесть. В Америке я весил уже и 69 и 79. Хотелось уйти в 80 или чуть больше. Без лишнего грамма жира. Хотелось умереть как можно здоровее и спортивнее. А вдруг на следующем уровне нужно здоровье? А старики туда попадают уже ссущиеся, или ещё хуже.

Шлюхи были особым блюдом. Я их трахал в салонах, дома, в отелях. Отношения заводить было поздно, да и не хотелось как-то. Всё больше дрович. В апреле я заказал себе на дом чёрную. Она была не первая на моей огромной кровати. Девушка приехала, и я подумал, что мне повезло. Она была очень хороша: 18-20 лет; худенькая, высокая, с грудью тройкой(только висячей к сожалению) и очень хороша мордашкой. Она приехала на нулячей Камаро-кабриолете самой дорогой комплектации. Мы зашли в дом, обошли слегка загораживающий проход велик и вот мы в квартирке. Деньги уже лежали на столе. Ценит же себя эта проשמандовка, да какая разница. За дело. Пошли в спальню. У меня зеркало во всю стену, кровать стоит своей передней частью почти впритык к нему. Я лёг на кровать, предварительно избавившись от ненавистной одежды. Кстати, ещё пару месяцев до этого моя спальня была завешена всевозможной одеждой. Несколько ночей я таскал её в рюкзаке к ближайшей драпбаксе. Если я уйду, а мир всё-таки останется, то кому-нибудь будет нужнее.

Она танцевала передо мной, играя сиськами и становясь раком. По моей просьбе она разводила булки. Хер лежал. Такого ещё не бывало. Она села рядом и начала его дрович. Я попросил, чтобы она отсосала без гандона, Бьютифул(а именно так она звала себя, у неё во всю грудь была татуха "Beautiful") наотрез отказалась. Она сказала, что у неё есть парень и она очень трепетно относится к гигиене; даже не разрешила губы свои подёргать. Мы перешли в зал и она стала там танцевать ещё вульгарнее. Мне было в прикол. Прошло около полчаса. Я повёл её обратно на кровать, поставил её раком и начал заглядывать туда и гладить её жопу. Она всё время оборачивалась в страхе, что я засажу без презерватива. Зря переживала. Наконец конец встал и я вставил ей. Член у меня не совсем простой. Бьютифул стало

больно. Она попросила поменять позу на миссионерскую. Но и в ней продержалась недолго. Тогда я перетащил её на край, сам встал коленками на пол: трахал и разглядывал её половые губы. Уплочено ведь. Её стройные ноги оказались противно мягкими на ощупь, как будто вместо мышц кости обволакивали молочные железы женщины среднего возраста. И вообще она вела себя максимально холодно, один раз даже посмотрела время на телефоне, когда амплитуда моих движений была в максимальном отклонении. Я кончил и она чуть ли не бегом залетела в ванну, вышла оттуда через минуту одетая и пошла к выходу, я проводил её. Только сейчас я разглядел её глаза. Они были как будто в линзах(может это и были линзы) – очень красивые. Я поблагодарил её и посоветовал ей поменять свою жизнь. На это она одарила меня ненавистным взглядом и молча ушла.

Всё чаще я начал выбираться в центр. Смотреть на людей. Они такие интересные. Публика в мегаполисах весьма разношёрстна. Попадают весьма интересные экземпляры. Помню прямо возле Индепенденс Холла, у того самого места, где был подписан документ о создании Соединённых Штатов Америки, страны которая предвещала новую эру в жизни человечества, на лавочке спала бомжиха. Грязная-прегрязная; рядом стояла сумка на двух колёсиках, забитая всевозможным хламом. Я сидел на лавочке напротив, метрах в десяти, и то ощущал едкий запах мочи, который она источала. Мимо прошли туристы с юга(в Филадельфии часто можно встретить уроженцев Техаса и тех широт; едут историю свою потрогать) и мне удалось поймать их взгляд на ней: в нём были глубины ненависти; они смотрели на неё как на кусок дерьма, не лучше. У них есть такая мутька в головах: раз мы живём нормально – то жить нормально можно, не проблематично. Откуда эти выродки знают её судьбу? Мало ли что ей пришлось пережить. Тем более не всё зависит только от нас. Ежи Лец писал – человек играет в своей жизни лишь эпизодическую роль. Я подошёл к ней поближе и хотел незаметно оставить пятёрку на её сумке, но заслонил солнце и она проснулась. Она дёрнулась в таком испуге, как будто я готовился пнуть её. Оставленную мной купюру, она с такой проворностью схватила с сумки, что мне стало за неё обидно. А вокруг ходили многочисленные ребята, мелькая своими шляпами и полосато-звездастыми флагами. Она тихо поблагодарила меня и засунула деньги в пятую по счёту футболку; все они были грязные и вонючие до омерзения.

После этого я пошёл в сторону берега, в старую часть города. Сел на лавочку между церковью восемнадцатого века и стеклянным входом в метро. Там сидел до самых сумерек, когда людей стало уже трудно различать среди серости. Тогда и придумал термин “эстримэ”. Даже посмеялся слегка: метко вышло и про меня.

Быть в наркотическом состоянии было неприлично для меня. Осознание выбора порой хлестало покруче прыжка с моста. Организм понял, что шутки кончились и купался в адреналине, который сам же щедро и вырабатывал. Конечно всё воспринималось с пометкой “напоследок”. Но! Я вам признаюсь абсолютно честно: до самого последнего момента мне так и не удалось вздохнуть полной грудью. Осознание помогало наслаждаться происходящим вокруг с удесятёрённой силой, но никогда не отпускало гулять свободно. То есть срабатывали те самые рамки. Зная, что скоро умрёшь(по своей воле), вряд ли у кого получится жить полной жизнью. У меня не получилось. И это было ещё одно очко в пользу выбора. В то время я как раз читал “Удушье” Паланика. По-моему именно там Паланик сказал – те, кто хотят уже большего, чем счастья – хотят спокойствия. Мне хотелось уже просто не быть. Отринуть все эти внешние и внутренние тревоги. Бога не было, а значит того света тоже не стало. Впереди ждало полное исчезновение. Тотальное. В том же рассказе мне встретилась фраза, что есть люди, которые наметили себе дату смерти. Человеческая жизнь уже не воспринимается ими как чудо. И вот эти люди намного свободнее остальных. Книжка. Проблем разьедавших меня становилось всё больше, порой мне хотелось сделать намеченное раньше. Лишь бы только легче стало. Многих усилий стоило отсрочить до нужной даты. В тот же день, когда я прочитал это, а это было 29 апреля, три дня после концерта Раммштайна, я сделал на юге Филадельфии себе татуировку 26 на левом предплечье. Сказал друзьям, что это в честь концерта, который был надясь.

Последний раз я курил в ещё в марте. Купил тогда с дуру восемь пакетов травы и сфоткал их на фоне своей Нокии 1999 года выпуска. Заказал из Китая старую модель, ещё чёрно-белую и без полифонии. Но еле выкурив четыре пакета(трава оказалась сильнейшая; мы её брали в чернятнике, было жутко даже ждать в машине, пока знакомый ходил покупать; в таких районах живут не чёрные – негры), оставшиеся смысл в унитаза. Время подходило. Хотелось быть трезвым перед поступком больше чем за сорок дней. Возобновил свои

посещения одного из самых известных сайтов, специализирующегося на личных трансляциях. По накуру замечаешь такие лёгкие ветерки, становишься очень чувствителен и обидчив. В каждой третьей трансляции мне казались подставы и психологи. Много интереснее там изучать чат: чем дышит родина за океаном. А она в таком сумашедшем смраду, что и выдержать невозможно. Вот так и веселился, читая дуриков и разводя тёлочку сиськи показать. Трезвому в таких местах нечего делать, если есть ещё хоть какие-то остатки мозга.

Дело в том, что будь это заданием, типа школьного: пофотографировать бездомных в районе или прибить скворечник без входа, я бы сделал его, чётко задокументировав каждый шаг. Но всё делалось для себя, поэтому всё сейчас не так легко достать из памяти. Одно точно – последние три недели до дня рождения(смерти) стали особенно напряжными в смысле размышлений. Бывало считал оставшиеся дни. Иногда просто лежал часами уставившись в потолок. Забыл! Всё это время я подготавливал себе шатл для отправки с этой недоброй планеты. Им оказался тир на юге центра города. Я прошёл там подготовку, сходил на урок и получил разрешение(не документальное) стрелять в тире. Меня признали очень талантливым учеником. Стрелять мне понравилось.

Только первый раз я взял автоматический пистолет, все остальные разы рентовал самый большой, что у них нашёлся револьвер L38, с удлинёнными пулями “Full metal jacket” усиленной мощности. Паренёк я крепкий и при правильной стойке отдачи практически не было. Первый раз, когда я стрелял с него, то в пачке осталось два патрона. Я решил проверить как же выпадает один из шести. Тогда в доли-секунды в моём мозгу, цеплявшемся за последние надежды, родилась мысль “если всё-таки перейду на следующий уровень, то сыграю в это”. Я вставил одного посланника смерти, крутанул барабан и картинным движением защёлкнул его, не прибегая к помощи левой руки. Прицелился...и ба-бах! Пуля выбила чёткий кружочек в картоне мишени. Мне стало не по себе. Вытащил гильзу, вставил другой патрон, крутанул посильнее. Снова выстрел. У меня глаза наверно стали по пятьдесят центов. Вот тебе и удача. Никакого шанса на успех. А может это специальный механизм, который не даёт пропасть за зря даже одному патрону? Не знаю. Я пошёл домой совершенно опешившим: то есть если я даже и захочу

жить, то мне всё равно придётся себя гасить? Но это уже не справедливо.

За всю неделю(а на следующую я поехал снова) мне не удалось найти ни одного упоминания о такого рода механизмах. В этот раз я вставил патрон и крутанул слабее. Результат был тот же. Выстрел с первого раза. Я уже механически заменил патрон и приготовился стрелять. Прицелился получше...щёлк – ничего! Щёлк – ноль. После второго щелчка я принялся считать, выстрел прогремел на пятое нажатие спускового крючка. Это дало мне хоть какую-то надежду. Но потом я откинул этот план, потому как мог выпасть и не патрон; тогда бы пришлось жить дальше. А это ещё хуже, когда не видишь смысла жить.

Как-то я включил на работе мафон с неизвестным мне альбомом группы Arcadytica. Звучала композиция “Farewell”(потом посмотрел название). Когда она зашла за середину, я просто бросил работу и сел рядом с магнитофоном. Музыка так цепляла меня. Состояние было такое, что вот-вот зареву. Угадал. Под конец я уже сидел и ревел, а руки были в мурашках. Когда же пришёл домой и ввёл в переводчик название, то опешил. Это не совпадение! Я выслал её маме. Она сказала, что красивая музыка, но не даёт расслабиться. Она как-то держит в напряжении. Да, напряжение маме предстояло сильнейшее.

Последнее произведение, что я читал, было “Понедельник начинается в субботу”. Мне очень понравилось. Я читал его в центре, на набережной, перед тиром, после тира. Читал на стадионе, пару блоками южнее расположенного, чем Саус стрит, по Девятой улице. Читал внимательно, а когда задумывался, или пил, разглядывал даунтаун. Он с того ракурса очень хорош. Читал на набережной и меня просто облепили чайки, туристы фоткали меня как памятник. Благо чайки на меня ни разу не насрали. Я лежал и читал, в наушники давила Когеа. В книге попалась дата 19 мая. Ну, думаю, как назло, хе-хе.

В последнюю неделю мы закончили работать во вторник. Мы шли с напарником и я спросил его: “Коль, а может нахуй Иисуса?” Он уже привык к моим таким речам, но всё равно даже отпрыгнул и спросил обиженно: “Ты хоть во что-нибудь веришь?” На это я ответил, что он узнает в следующий понедельник во ЧТО же я верю.

В эту самую неделю решил расписать себе график. День икс выпадал на субботу. Было решено поехать в Нью-Йорк на Брайтон Бич. Специально не заказывал себе хостел, как на выборы. Ехал с

желанием ночевать в мегаполисе, и хоть никогда не хватало смелости и желания быть бездомным, но разок можно было. В среду поехал трахать итальянку в жопу. Нашёл её на сайте. Хотелось присунуть в анал, можно было бы на Бьютифул сразу два желания исполнить, но денег не хватило доплатить. Пришёл в отель, в котором жила эта труженица сексуальных услуг. Привязал велик к столбу возле Мэйсиса(он там рядом) и пошёл к жопе. Как только она открыла мне дверь, то захотелось бежать оттуда. Эта мадам была вполовину меня ростом и четыре меня в ширину. Мерзостно жирная.

Но я сам не знаю почему остался; наверно мне было не жалко трахать в очко этот пуддинг. На анал она согласилась в полсекунды. Сказала мне, что можно будет даже поиграть с игрушками; меня аж пот прошиб и пришлось ещё раз повторить намерения. Она всё поняла правильно – жопа её. Я положил деньги на комод и начал раздеваться. Она легла на кровать и стянула трусы задрав ноги вверх; потом села на край и начала ласкать член. Сосать без гандона она отказалась, ну и ладно. Я толкнул её на кровать и задрал ей ноги повыше, вставил в задницу и начал ритмично двигаться, при этом несильно потирая её клитор. Ну хоть форма её гениталий мне понравилась. Внезапно член стал терять упругость, я сказал ей встать раком. И снова засунул в жопу, на этот раз не так легко. Она тоже заметила его вялость и совсем не похвалила за это. Мне стало ещё противнее: ширина её жопы превышала длину её спины, как будто я трахал коробку от лампового телевизора. Тут я плюнул и пошёл в ванную; ни я ни она не сказали ни слова. Мне было противно, думаю она тоже поняла, что мне до омерзения не понравилась её жирность. Но никто не поднял эту тему. Пока шёл к велику, то чуть не смеялся. В тот вечер я дрович на то, как трахал её. И кончил.

На следующий день я поехал в Нью-Йорк через центр Филы. Зашёл в тир. В тот раз выпало 50/50. Первый выстрелил сразу, второй только на четвёртый спуск. Ну хоть пополам – усмехнулся я. Сел на автобус на Арч Стрит, на которую кстати и приехал когда-то впервые в этот город. По пути в НЙ слушал новую группу, да разглядывал китаёз с чёрными. Одна чёрная чикса во всю дорогу не перестала говорить по телефону; ни на минуту. А ведь поездка заняла часа два точно. Вышел на Кэнэл Стрит и пошёл к любимому месту между двумя мостами. Один раз у меня при фотографировании этого места завалился горизонт(сам конечно) и Бруклинский мост стал похож на горку для катания. Казалось, что вода вот-вот хлынет из залива на

берег, безжалостно затопляя лавочки и многочисленный люд.

Уселся я на длинной лавочке, по соседству спал какой-то индус. Достал из рюкзака “Братьев Карамазовых” и начал читать главу про чёрта и Ивана. Дело в том, что положил прочесть напоследок две мои любимые главы. “Великого Инквизитора” прочёл за день до того. Читал его раз в четвёртый. Каждый раз находил что-нибудь новое. “Свобода, свободный ум и наука заведут их в такие дебри и поставят пред такими чудами и неразрешимыми тайнами, что одни из них, непокорные и свирепые, истребят себя самих, другие, непокорные, но малосильные, истребят друг друга, а третьи, оставшиеся, слабосильные и несчастные, приползут к ногам нашим и возопиют к нам: „Да, вы были правы, вы одни владели тайной его, и мы возвращаемся к вам, спасите нас от себя самих“.” Теперь же я сидел и читал про нос. Про то как помещик лишился носа и тем самым остался с носом. Я читал в очках. Не хотелось показывать проходящим мимо китайцам слёзы. Когда пелена застилала и читать не представлялось возможным, я переводил взгляд на Бруклин и разглядывал его здания. Мне было очень обидно, что не могу остаться здесь. Куда бы теперь я ни ехал, нигде уже не найти счастья, и тем более покоя. Дочитав, я оставил книгу на краю скамьи. Ту самую, что купил ещё в первую неделю. Успел отойти лишь пару шагов, как меня окликнули китайцы и показали на забытую книгу. Я жестом показал им, что всё как надо и они моментально успокоились.

Ехал по ветке В. Так до Брайтона очень недалеко. Приехал. Если использовать другой путь, когда эта ветка закрыта в воскресенье, то проезжаешь мимо колеса обозрения из „Реквием по мечте“. Вот и у меня выдался своеобразный реквием по мечте. Был мини-тур по местам из этого фильма. Никакой конкретики, просто похожие памяти очертания. Второй фильм здесь же, на пляже, был “Достучаться до небес”. За всю свою жизнь в двадцать четыре года в Ростовской области я ни разу не был на Чёрном море. Атлантический океан был в моей жизни первым солёным водоёмом. Моря не видел. Параллель этой картине, одной из самых любимых мною, была позже в тот вечер. Я набродился по округе. Никогда не думал, что буду идти по этой деревянной набережной. И шёл. Когда стемнело, в арабском магазинчике купил Парламент, чипсов, шоколадок, попить и зажигалку. Араб неуверенно переспросил меня насчёт сигарет, в Нью-Йорке они стоят ещё в два раза дороже, чем в Пенсильвании. Какая мне уже была разница. Я почти восемь лет не курил сигарет, да и

траву никогда не растабачивал. В семнадцать лет мне надоело засирать своё здоровье и я бросил. Ни одной сигареты за эти годы. Смешно.

Я уселся поближе к океану, зачерпнув воды перед этим и умыв ей лицо. На пляже курить нельзя, там повсюду написано про это. Ну я же всего один разок; и всё. Достал сигарету, отложил пачку и уселся на песок. Подумал, что лучше на рюкзак сесть. Приподнял жопу и начал отряхивать джинсы от песка – сломал сигарету. Засмеялся. Сел по-турецки, смачно зачерпнув мелкого песка в сеточки отделки моих кроссовок. Закурил. По началу казалось, что сигарета не настоящая: слабее, чем представлял. Но когда докуривал, то даже не решился встать на ноги, слегка кружилась голова. Закопал сигарету в песок рядом с собой. Сидел и слушал шум волн. Даже волосы на руках встали дыбом, такой кайф.

Недолго поразглядывал огни на той стороне водоёма и пошёл к турнику, который заметил ещё днём. Было прохладно, поэтому шёл к нему скорее погреться. На улицу повылазили американцы. Видимо существует негласное разделение часов посещения пляжа. Днём услышать там не русскую речь почти невыполнимая задача. Ещё днём сидел на лавочке рядом с русскоговорящей парой. Девушка лет 28-30 и, скорее всего еврей, к пятидесяти. Он спрашивал супругу чего купить поесть. Она равнодушно отвечала, что не важно; всё равно. Но он не отставал и спрашивал: “Может корн-доги? Чего тогда добавить в них? Или давай лучше хот-доги. Тогда добавлю в них побольше кетчупа, да? А картошку брать? Что будешь пить? Холодное? Трубочку захватить?” С каким же она вздохнула облегчением, когда он наконец ушёл. Она сидела и водила по лавочке рядом с собой маленькую дочь. Мне захотелось спросить у неё: “Зачем мы здесь? Ведь мы и здесь чужие.”; но естественно передумал – кому это надо. В то время американцев можно было пересчитать по пальцам на всём берегу.

Зато с заходом солнца одни сплошные американские рэканья. Я дошёл до турника, положил рюкзак на железную лавочку и сделал подъём-переворот. Эту штуку я всегда умел делать, видимо ещё до рождения. Турник оказался скользким и долго пребывать на нём не получилось. Зато поподтягивался и весьма согрелся. Оставил зажигалку и сигареты на той лавочке; с меня хватит. Пошёл искать лавочку для ночлега. Через дорогу от пляжа есть какой-то пустырёк, на нём стоит что-то наподобие советской сцены, которые стоят в

наших парках. Поссал за этим сооружением. Сел на лавочку там же, спиной к океану. Все проходившие мимо говорили только по-русски. Сложилось впечатление, что я был в подмосковье. Дома вокруг сплошные высотки.

Нашёл себе нормальное место: детский дворик недалеко от этой же сцены. Лавочки там были сплошные, не из тонких брусков. На одной из них валялись газеты; подстелил их в районе жопы. Достал из рюкзака привезённую курточку(красную походную, что ещё в Москве покупал). В ту ночь ожидалось всего одиннадцать градусов по Цельсию. Лёг. Около получаса пытался уснуть, не меняя позиции; спать на спине не мог физически – сломанный копчик не позволил бы так насладиться моей ложей. Холодно! Начал подмерзать. Отжался от мягкого пола двадцать раз, согрелся моментально. Вернулся на лавочку и начал чувствовать, как по всему телу распространяется тепло. Как будто я был тазик с водой, а тепло – молоко, которое в него влили. Лежал и пытался уснуть. Никак не получалось. Опять стало холодно. Я даже испугался, что это плохо скажется на моих почках. Мне нельзя их застужать. Потом вспомнил, что осталось менее двух суток и успокоился. Чтобы согреться на этот раз, я уже подтягивался на кольцах, поджав ноги(они были низко расположены); на всякий случай ещё и отжался сразу же. За забором, метрах в двадцати, стояла карета скорой помощи. Наверно это их место ожидания происшествий. Снова лёг. Было уже полтретьего, на мне были старые часы “ЗиМ”, которые несколько лет тому мне подарил дед. Он даже подчинил их застёжку медной проволокой. Они для меня во всё это время были дороже золотых. Тем более сейчас.

Я понял, что никак не смогу уже уснуть, или даже согреться и пошёл бродить по ночному Брайтону в поисках кафэшки, или пиццерии. Прямо перед моим носом закрылась какая-то забегаловка. Побрёл дальше. Остановился у ночного окошка DD, внутрь не пускали. Постояв с секунду, решил пойти чуть дальше. Но тут меня окликнул пьяный женский голос:

-Что это вы?(произнесено было так невнятно, что я понял лишь раз с третьего)

-В смысле?

-Ну это...идёте здесь.

-Да, иду.

-А я увидела ваш взгляд.

-И что же в нём?

-Вы хотите есть.

-Совершенно верно.

Разговор со мной завела женщина, пьяная в дрова. Ей было лет сорок-сорок два. Было видно, что в молодости она была красива. Я поддержал разговор просто от скуки, но и смеяться над некогда соотечественницей цели не имел.

-А можно вас угостить?

-Зачем? Я могу себе позволить купить еду.

-Мне хочется сделать приятное вам.

-Тогда в благодарность я вам тоже сделаю приятное – позволю себя угостить.

-Отлично...выбирайте.

Я выбрал какой-то бутер с сыром. Он стоил больше трёх долларов и она дала индусу пятёрку. Он дал сдачи и я думал двигать дальше.

-Постойте, а что? Этот черножопый не дал вам чай?

-Нет, только эту...этот...булку.

-Так. Надо бы и чаю. Холодно ведь.

Спорить было глупо. Она заказала ему чай и он озвучил цену в два с чем-то доллара. Она потянула к нему сдачу от предыдущей покупки, но её не хватило; я заплатил ему из своих. Она убрала мелочь в карман кофты. Вообще одета она была так, как будто мы с ней встретились в конце восьмидесятых в каком-нибудь Челябинске. Чисто советский фасон вещей. Я поблагодарил индуса, сказав ему бро.

-Не называйте его бро. Он недостойн. Это говно. Это не люди. Это нелюди. Как говорил мой папа – люди без профессии. Ничего не умеют делать, поэтому и работают продавцами.

Я промолчал.

-А с чем вы это чай заказали? С молоком?

-Да.

-Фу, какая гадость. А можно мне теперь просить от вас кое чего?

-Теперь вы можете требовать от меня всё что угодно. Кстати спасибо за угощение.

-Пожалуйста. А проводите меня до дома. Вам же не трудно?

-Мне всё равно. Я из Филадельфии. Приехал погулять. Сменить обстановку так сказать.

-А...ну можете и такое говорить. Мне показалось, что вы бездомный.

-Благодарю, но вы ошиблись. Так где вы живёте?

-Тут же, по пути, в 15 переулке. А знаете что? - Она развернулась ко мне и получилось, что перегородила путь вперёд. - А дайте попробовать что там я вам купила.

-С удовольствием. - и я протянул ей этот бутер. Пока она отщипывала кусок, я мельком посмотрел на её ноги: она была в каких-то допотопных замшевых туфлях и...в разных носках. Я чуть не засмеялся. Один был розовый, другой белый.

-А вы знаете, что совершенно обычно выглядите? В вас нет ничего привлекательного.

-Знаю.

-Хорошо. Мне кажется вы заблудились. Этот взгляд...

-Вы ошибаетесь. Я точно знаю чего хочу и куда иду. Спасибо за заботу.

-И всё-таки. Я видела раньше этот взгляд. Я живу на той стороне дороги, у пляжа.

-Везёт. Уже близко?

-Практически пришли.

-Замечательно.

Я уже допил чай и доел бутер, и выкинул мусор от них в одну из урн. Видимо на Брайтоне мусорный день пятница. Мы подошли к самому её дому.

-А где вы спали?

-Нигде; но пытался на лавочке.

-В Филадельфии он живёт...холодно?

-Да. Не смог уснуть.

-А можно вопрос? Только честно...раз уж мы так мило провели время, мне кажется вы хороший молодой человек. Сколько вам лет?

-Двадцать шесть в субботу.

-Да? Я думала больше. Ну ладно. Раз уж вы уже здесь, то...нет, не подумайте, обычно я так не делаю. Никогда. Просто у меня есть предложение: вы зайдёте ко мне? У меня хотя бы тепло, не то что на лавочке...но только до шести часов.

-Почему именно до шести?

-На работу надо.

-А...простите. Ну хорошо. Давайте.

-Но вы ни в коем случае не подумайте, что я зову вас, потому что хочу заняться сексом. То есть я хочу заняться сексом...как вы относитесь к собакам?

-Наплевательски.

-Не говорите так про мою Бэсси!

-Я про неё ничего не говорил, я даже о её существовании никогда не знал.

-Если вы не любите собак, то вам нечего делать в моём доме!

-Не то чтобы не люблю, опасаясь. Если она меня не тронет – я её тем более не замечу.

-Да она спит почти все сутки. Тем более у неё своя кровать.

-Тогда вопрос с собаками решился.

-Перед тем, как мы пойдём ко мне, у меня есть последний вопрос.

-Какой же?

-Вы меня не убьёте?

-А вы меня не будете просить об этом?

-Нет.

-Ну тогда нет. Признаться, даже если бы и попросили – отказался б; не люблю вида крови.

-Но мало ли что у вас на уме.

-Вам лучше не знать. Но там нет ничего плохого для вас. Обещаю.

-Я вам почему-то верю.

-Я тоже.

-Мы просто полежим до утра спиной к спине. Никаких приставаний. Да?

-Совершенно верно.

-И у вас нет никаких венерических болезней?

-Во-первых нет; а во-вторых я слышал, что через спину ничего не передаётся.

Мы вошли в дом этажей в двадцать, поднялись на лифте на второй этаж и вышли. Я повесил куртку на вешалку у входа, рюкзак кинул там же.

-У тебя смотрю татуировка есть?

-Две. А что?

-Просто мужчины, у которых есть татуировки – слабые личности. Встречала всех в татуировках, а личности никакие.

-Возможно.

Вошёл и начал разглядывать фотографии; мне бы её дочку. На фотографиях была красивая девушка лет двадцати. Она в это время носилась по квартире, а из-под задротой ночнушки торчала голая

квадратоватая жопа. Она сказала, чтобы отвернулся, пока натягивала трусы. Я ничего не спросил у неё про фотки. Она ковырялась на кухне; от всего предложенного ей я отказался. Не хотелось.

-Может чайку? Суп есть.

-Благодарю.

-Может минет? - сказала она почти шёпотом.

-Что?

-Ничего. Не хочешь чай, как хочешь.

Сделал вид, что и правда не заметил. Пока я бродил по залу, она сорвалась в ванну и стала звучно блевать. Я молчал. Долго же она рыгала, а потом, выйдя из ванны сказала:

-Мы же уже на ты?(я кивнул) Ну тогда подчини мне бачок. Течёт. Сможешь?

-Увидим.

Я подчинил её сраный бачок за минуту. Даже смешно стало, что именно теперь я готов к семейной жизни, и смогу если что и подчинить чего в доме.

-Вот спасибо. Как меня достал этот бачок!

-Не за что. Как тебя зовут?

-Не важно.

-Хорошее имя. Нет, правда. Я тебе представился.

-Ну и молодец, а я не буду.

-Ладно, как хочешь. Давай спать: три часа уже.

Она выпила глоток какого-то ликёра и показала на кровать. Она была немаленькая. Я лёг поверх одеяла в джинсах и футболке. На мне была футболка со Стьюи Гриффином. На нём были большие очки и на мне тоже, когда я шарился по Брайтону ещё до захода солнца. Она повернулась ко мне жопой. Задницей назвать это мне не позволит совесть. Она оказалась толще, чем мне показалось на улице. Такая рыхленькая свинка с непропорционально большим животиком. Я лежал и улыбался, мне было забавно.

-Можно тебя попросить?

-Да, конечно. Что хотите?

-Мы же на ты перешли! Погладь мне спину. Помассируй скорее. Я прикоснулся к её спине.

-Ай! Что у тебя с руками? Они как лёд!

-Замёрз ведь, чего удивительного. Могу убрать.

-Оставь. Тем более это приятно холодит спину и она начинает меньше болеть. Я лежал и массировал её спину, а сам чуть ли не

ржал.

-Нет, если тебе тяжело, не делай этого.

-Мне всё равно.

Так я массировал её спину минут пять, тут она решила лечь на спину.

-Ты что, одетый?

-Ну да. Я же сверху одеяла.

-Так залезь под него!

-А можно?

-Ну... - и она недовольно фыркнула.

Я снял одежду и залез под одеяло. Глаз уже более-менее привык к темноте и я мог различать контуры. Она недолго полежала на спине и снова отвернулась.

-Помассируй спинку ещё.

-Ладно.

-Чё у тебя руки никак не согреются?

-Откуда я знаю?

Тут я немного обнаглел и стал массировать ей жопу.

Возбуждения не было, было просто забавно. Она молчала. И тут я бесцеремонно засунул руку ей в трусы, и сзади начал гладить её под жопу и начал уже дотрагиваться до вагины. Она была обрамлена жиденькими волосами. Сначала она не двигалась, а потом начала подобно кошке дёргаться навстречу движениям моей руки. Тут я уже взял и всунул палец внутрь. На удивление там оказалось очень мокро. Не ожидал такой прыти от старушки. Начал уже и губы пальцами шевелить и по два пальца внутрь засовывать. Тут она как подскочит и как побежит к шифоньеру.

-Ты куда ломанулась?

-Слишком много эмоций. Надо запить. - Она достала из шкафа в зале бутылку ликёра и побежала наливать в кружку. - Забавное знакомство.

-И я о том же. Именно забавное. Ложись.

-Щас.

Она снова легла на кровать, но уже не отвернулась от меня, а наоборот повернулась ко мне и положила свою ногу на мою. Трахать её не хотелось. Состояние было необычное. Тут она потянулась ко мне и поцеловала в губы. Я максимально втянул губы в себя. Эта весёлая женщина ещё час назад стругала как выпускница, и вот лезет целоваться. Мне было неприятно. Но она быстро отстала. Обняв меня

она обмякла. Ей стало хорошо. И я понял, что она искала даже не столько секса, сколько избавления от одиночества.

-А что ты любишь кушать?

-Много чего. Я не так привередлив. Допустим скумбрию с картошкой очень люблю.

-Копчёную такую?

-Ну да, желтоватую.

-А картошку в мундирах?

-Не принципиально.

-Ясно. Я утром позвоню маме, она скумбрию принесёт.

Картошечки наварим, да?

-Нет.

-Что нет?

-Придёт утро, ты пойдёшь на работу, я поеду в Филадельфию. У каждого свой путь.

-И ты будешь в Филадельфии, а я тут?

-Да.

-И что, мы больше не увидимся?

-Нет.

-И ты мне не позвонишь?

-Нет. Это нормально.

Было видно, что она обиделась. Минут пять мы лежали молча.

-Что ты говорила про мой взгляд?

-Он какой-то потерянный.

-Возможно. Погоди...

Я поднялся, сел на кровати, отодвинул одеяло в сторону и раздвинул ей ноги. Она слегка сопротивлялась вначале. Я отодвинул в сторону её чёрные растянутые трусы и начал массировать то, к чему и добирался. Она начала извиваться. Несколько раз начинала поднимать ногу на меня, но я её откидывал обратно на кровать.

-Снимай трусы.

-Зачем?

-Песни петь будем. Я сам тогда.

Я её развернул и стянув трусы, бросил их на пол возле окна.

-Э! Ты чё их так кинул?

-Нормально.

Мне очень понравилась форма её половых губ. Я эстет в таких делах. Они были размером что надо. Она продолжала поражать меня своей влажностью. Убрать бы это тело вокруг – цены бы ей не было.

Я сидел и гладил её письку: пальцем правой руки проникал в неё, а левой тёр клитор и массировал губы. При всём этом внимательно наблюдал за происходящим.

-Ты чё там разглядываешь?

-Угадай. Да гинекологом в детстве хотел быть; вот навёрстываю.

-У меня там бывали многие, но так никто не заглядывал.

-Так я у тебя не первый?

-Второй!

-Не для меня значит твоя роза цвела. Нравится мне смотреть на письку. И что теперь?

-Нет. Мне наоборот нравится.

-Ну вот и славно.

Тут она задрала ночнушку и оголила свои маленькие обвисшие сиськи. Взяла мою руку своей и начала гладить соски. Я понял и продолжил в этом же направлении. Она кайфовала.

-Что ты со мной играешь?

-В смысле?

-Может тебе неприятно? Так не делай этого! Я не заставляю. Мне начинает казаться, что ты так отработываешь свой ночлег.

-Успокойся, тем более я всё равно не сплю; а если бы мне это не нравилось, то не делал бы.

-Станный ты какой-то.

-Согласен. Ещё ни разу ни по ту ни по эту сторону океана не встречал подобных. Может мне уже вставить тебе кое что побольше пальца?

-Два?

-Кулак! Фистингом сейчас займёмся.

Всему этому сопутствовало отвращение, но интерес, чем же это всё закончится, был сильнее. Будь она помоложе, или постройнее – всунул бы без всех этих раскачек. А так не хотелось.

-Может минет мне сделай тогда?

-Зачем?

-Признаю: ты меня просто на лопатки положила этим вопросом. Даже не знаю, что и ответить теперь. Давай трахну тебя раком тогда?

На самом деле не хотелось совершенно. Бесцеремонный рассвет начал уже проникать сквозь жалюзи, и при его свидетельстве мне ещё меньше захотелось вступать с ней в половую связь.

-Зачем?

-Ну и славно.

В секунду я подлетел с кровати, оделся и пошёл в ванну мыть руки. Хорошо вымыв их, скоро оделся и остановился у входа. Она всё ещё лежала на кровати, с которой крикнула мне:

-Оделся уже?

-Чай не принцесса: корсеты шнуровать не нужно.

Она встала закрыть за мной дверь. Я пристально посмотрел на неё и сказал:

-А знаешь, что самое обидное? Ты мне так и не сказала как тебя зовут.

И вышел. Она ничего не сказала и лишь защёлкнула за моей спиной замок двери. Выйдя из подъезда, я пошёл направо; к пляжу. Уже успевший вступить в свои полномочия рассвет встречал меня залпом из миллиардом своих лучей. По деревянной набережной бегали старики. Воздух был необычайно свеж. Солнце начинало греть и я оставил свою красную куртку на одной из многочисленных лавочек. Даже компас в ней не помог мне сориентироваться в жизни.

Во мне уже жило что-то радостное. Настроение было очень хорошим, причину не понимал сам. Если вы помните “Реквием по мечте” в тот момент, когда Гэри говорит, что любит маму и хочет подарить ей телевизор, за спинами героев видна каменная дорожка в море. На одну из таких я залез, и пройдя по ней до конца, вернулся на берег. Она была скользкая, камни тут и там пугали остротой своих спин, но всё прошло отлично. Рыбачивший рядом дед лишь слегка задержал на мне взгляд; затем отвернулся и снова закинул спиннинг. Я понимал, что эта женщина нечто большее, чем просто одинокая алкоголичка за сорок. И что она увидела в моём взгляде? Не мог же он так быстро настроиться на частоту бездомных потерявшихся. А может она увидела именно мой случай потери? Потери самого себя. Я никак не мог понять. Лишний раз жизнь доказала, что её сценарий обширнее, неизведаннее.

Я сел на поезд, на те места, где спереди нет следующего ряда кресел и можно вальяжно протянуть ноги, если никто рядом не стоит. К окну со мной села женщина старше пятидесяти. Она читала русскую газету, на которой крупными буквами пестрело название статьи “Вот что я скажу фашистам”. Я протянул руку, чтобы указать женщине на статью пальцем и спросил чья же это статья? Во время движения я нечаянно костяшками задел её сиську и еле заметно улыбнулся. Она сказала, что статья эта (не помню точно женское имя) Гордон. Тогда я спросил, а к кому обращена эта статья? К фашистам

второй мировой, или современным подросткам нацистам, или к кому-нибудь ещё? Да и какой в ней вообще может быть смысл? Зачем фашистам знать, что им скажет какая-то Гордон? Они её что, спросили? Женщина сказала, что не знает и мило заулыбалась. Солнце беспрепятственно проникало в вагон и мне всю дорогу пришлось ехать не снимая очки. Выйдя на Гранд стэйшн, побрёл снова к тому месту между мостами. С одной стороны мне хотелось раньше попасть домой(жить оставалось около суток), но я всё равно пошёл туда. Как будто что-то тянуло меня.

Там недалеко находится один из супермаркетов Америки, я зашёл в него поссать. Туалет для покупателей был на складе и выглядел как типичная уборная в нашем ЖЭКе. Внутри туалета меня встретил едкий запах хлорки, я пытался выдержать его, но не смог и выбежал; глаза щипали и слезились. Тут подбежал уборщик и начал извиняться. Оказывается он обработал туалет, теперь следовало подождать несколько минут, прежде чем смывать химикаты. Всё время, пока он наводил там порядок, я стоял и беспрестанно моргал глазами; становилось легче. Выйдя из магазина, я направился к скамейке, на которой вчера оставил книгу.

И тут меня осенило – есть за что любить людей – они хотят быть счастливыми. Вот конечный пункт всех их мечт. Просто у каждого он свой в силу разности восприятия мира. Та женщина искала счастья, уходя я заметил в её лице благодарность, хоть она и пыталась скрыть её под маской обиды. Она получила капельку счастья. Мне же это ничего не стоило, так может если я вдруг могу приносить людям пользу, может в этом и есть моё предназначение. Потеряв себя для своих собственных амбиций, мне легче будет настроиться на помощь другим. “Хоть бы книга была на месте – тогда я оставлю себе жизнь” - думал я пока шёл под мостом. Вот уже видна та скамья, на ней нет книги...я шёл вперёд не дыша. И вот – книга лежала на следующей скамье. Я заплакал. Сел рядом, взял книгу в руки и поцеловал её. Теперь очки можно было и снять, я совершенно не стеснялся причины этих слёз. Я нашёл жизнь, наконец увидел её. В “Шлеме ужаса” мне понравилась фраза про то, что это только с виду лабиринт, на самом же деле у каждого лишь тупик, только длиннее, или короче. Именно так я думал о богатстве. Владея средней машиной и небольшим домиком, да даже ничего этого не имея можно абсолютно точно понять, что это тупиковый путь. Всё равно когда-нибудь наступит предел. Эгоизм конечен; любовь же безгранична. Истинная

любовь. Какая ирония, что я не мог за долгие месяцы размышлений прийти к такому выводу, а пришёл меньше, чем за сутки реальной жизни. Она накатила на меня волну настоящих впечатлений, и я выбрался! выплыл!

Слёзы не прекращались. Бруклин был похож на сплошное размытое пятно. Но на всём протяжении этих слёз их неизменным спутником был смех; смех радости. Слёзы слишком неординарное выражение эмоций. Они бывают всевозможно разными. И именно эти слёзы я любил. Мне теперь можно было сидеть тут хоть до вечера; не нужно было убивать себя на следующий день. Удивлённые китайцы проходили мимо и разглядывали нытика, в полтора раза больше каждого из них. Вот теперь мне было на самом деле всё равно, что они подумают.

По пути домой, просто отрубился в автобусе. Проснулся, когда проезжали Кэмден. Вышел на станции и подошёл к чёрной женщине, ей было плохо, или она глубоко задумалась; предложил помощь. Она опешила; отказалась. Не особо помню как отметили мой день рождения. И на следующий день я начал читать “Чапаев и Пустота”. Сел возле баскетбольной площадки. Чёрные гоняют мяч; чё им. Так необычно было быть живым через сутки после намеченной смерти. Пустоте оказалось двадцать шесть лет; как и мне. Мне двадцать шесть лет. Проходя сквозь ряды ткачей, Пётр думал: “Почему я считаю себя более умным, более достойным быть счастливым? Неужели потому что читал Гоголя, Гегеля и Хайдеггера?”. Первый труд немецкого философа датируется 1948-м годом, или около того. Витя мог читать Хайдеггера, Пустота нет. Пелевину очень хорошо удалось выявить смысл революции – перемену людей, которые ели икру и заматывались в соболей. Не было цели вырасти, была цель материально обогатиться. Это всё равно что начать хлебать щи серебряной ложкой вместо лаптя.

А ведь за этих людей теперь предстояло биться; только не понятно с кем, как и зачем. А те, ради кого, даже не смогли бы понять смысл этой фразы. Да! В понедельник я шёл недалеко от дома и вспомнил обещание, которое давал Коляну. Я достал телефон позвонил ему и сказал: “Я верю в людей!”

Через неделю, когда появилась работа, я спрашивал напарника о чём он думает дома. Оказалось о том, что сделал за день на работе, а потом что будет делать завтра на работе; а если завтра выходной, то о том где бы денег достать; а если деньги есть, то где бы их взять на

будущее. Комментарии излишни. Эти люди совершенно не видят ничего дальше семейного круга; они искренне не понимают смысла благотворительности; никогда не помогают другим. Весело.

На следующей неделе я лежал ночью на той же лавочке у баскетбольной площадки. Чёрные гоняли мяч под светом прожекторов. Лежал себе, слушал музыку релакс и тут увидел звезду. Очень внимательно смотрел на неё и начал думать. Скорее даже получал мысли, нежели сам их синтезировал. А вдруг я решил быть за людей лишь для того, чтобы остаться в живых? Вдруг прикрываю себя высокой целью лишь бы ещё пожить, понаслаждаться некоторыми моментами жизни? Надо крутить барабан. А вдруг именно сейчас убью себя, когда решил жить? Это будет даже не обидно. Даже слова подобрать не получится. Чуть ранее в тот же день я сидел и читал главы про отца Зосиму. Раз смог увидеть по-другому про инквизитора, то смогу и на это посмотреть в другом свете. Дошёл до главы “О вере до конца” и выбросил книгу в мусорку возле площадки.

Я должен! Чтобы вести их за собой, в первую очередь я должен верить в себя самого. Должна быть нерушимая основа, крепче всего остального. Неподвластная ветрам. Решено было на следующий день сыграть в рулетку. Поставил будильник на четыре утра, метро с пяти открывалось. Благо вещей осталось немного: ноутбук, фотик, ридер и велосипед. Лёг в два: сначала долго думал, потом мылся.

Встал по будильнику таким бодрым, что смог бы наверно и марафон бежать в то утро. Адреналин кипел. Доехал до стадиона на велике, припрятал у забора ключи от хаты и симку. Жить хотел. Покатался по району. Такая тишина. Мёртвая. Покатил к метро; оставил на лавочке фотоаппарат и ридер, велосипед прислонил к ней. Ехал на метро и думал – а ведь это возможно в последний раз. Чёрные изредка недовольно пялились; я же улыбался как дурак.

Вышел на Второй Стрит и пошёл в сторону моста. По пути нашёл уже открывшуюся кофейню. Взял кофе и пирога. Ел медленно, смакуя каждый миг. Потом направился к самому мосту. Он в тот день был открыт с левой стороны, то есть вид был не на центр, а на Норд-Ист. Я дошёл почти до середины, вытащил компьютер и запустил форматирование жёсткого диска. Даже вспомнил ролик Фримана, про то, что никто не сможет удалить данные со своего кампа. Удалил всё. Даже поочередно подключал все свои флэшки и SD карты. Пустота. Засунул всё в чехол; ноутбук просто закрыл, даже не выключал. И

когда никого рядом не было – бросил в реку. Моё добро так громко плюхнуло, что я даже немного испугался. Думаю мало кому доводилось слышать этот звук. Я стоял и смотрел на поднимающееся откуда-то из-за Кэмдена солнце. Оно приветствовало даже меня.

Решил пойти на пирс, который лишь в том году привели в порядок. Пока шёл обратно по мосту, услышал гул поезда, который ехал чуть ниже. Некоторое время смотрел ему на крышу; потом улыбнулся. Когда шёл вдоль моста к пирсу, то читал про себя стишок, который пришёл ко мне примерно пару недель до этого:

Ты вышел не с начала
И не дойдёшь конца.
И сможешь здесь лишь повторить
Ты участь деда и отца.

Ведя из глубины веков черту родства
Сменяя очерёдность дедов и отцов
Ты сможешь поместиться в вазу
И это есть предел в конце концов.

На пирсе я просто немного поспал. Разлёгся на широких ступеньках, подложив рюкзак под голову. Почти час провёл там, но было всего-лишь начало восьмого. Оставалось пару дел. Я вычистил всё из рюкзака; выкинул даже блокнот, который мне подарила американка, у которой жил поначалу. Только перед тем как отправить его в мусорку, написал “Всё как минимум занято. 28.05.2012. Подпись”. Пошёл посидеть в парк на пересечении Волнат и Шестой. Вашингтон сквеар. Сел там на лавочку и ждал. Была надежда, что придут строго одетые люди и скажут – вы прошли тест; вы зашли слишком далеко; спасибо, вы свободны. Хуй там! Никто не пришёл. Иногда начинал думать, что друзья догадаются где я и что я, и силой уволокут меня отсюда и посадят в психушку для моего же блага. Никого не было. Было девять часов утра. Тир открывался в десять. Но идти нужно было скорее к десяти сорока, не раньше.

После, на некоторое время я потерял действительность. Я так глубоко задумался, что впервые в своей жизни услышал тишину. Тотальную тишину. Её принцип совершенно отличался от того, какой она мне всегда казалась. Раньше я думал, что чтобы услышать её, нужно залезть в самое тихое место в мире, в какую-нибудь

звукоизолированную комнату, и то мысли своим скрипением мешали бы насладиться ей. Оказывается тишина исходит изнутри; она выходит и обволакивает абсолютно всё; делает всё беззвучным. Было так необычно, я реально не слышал ни звука вокруг, хотя мимо ходили люди и ездили машины.

Разбудил меня какой-то дед с собакой. Он сказал мне что-то и я машинально отказался. Лишь потом до меня дошло, что он сказал – давай прогуляемся. Он так дружелюбно смотрел на меня, даже показалось он увидел что было в моих глазах. Иначе зачем окликнул. Времени оставалось мало. Я с помощью рук встал со скамьи и пошёл на юг. К тиру. Зашёл по пути в забегаловку, где готовили обалденные стейки. Мясо жарилось прямо здесь же, на электрической плите возле стола. Они ещё не открылись и я пошёл дальше. Когда перешёл Вашингтон авеню, то посмотрел на забор ещё раз. Каждый раз, когда ходил мимо, то смотрел на него. В том районе в основном живут мексы; они и разрисовали забор. На нём было нарисовано что-то типа парня с пистолетом, вокруг которого вращалась Земля. Мне так сильно захотелось, чтобы это было не последнее, что я увижу в своей жизни.

Зашёл в тир, там меня уже знали по имени. Взял пачку патронов, любимый револьвер и пошёл в сам отсек стрельбы. Мне выдал наушники и очки дядька, у которого я проходил уроки. Мне дали дорожку, сзади которой было смотровое окно. За ним стоял тип, который хвалили меня за уверенное управление револьвером. А по самому огневому рубежу рыскал инструктор, который учил стрелять новичков. Я часто замечал его боковым зрением рядом с собой. У меня не было никакой возможности сыграть в рулетку. Даже последние два патрона я зарядил вместе и выстрелял по-очереди. Отдал очки и наушники, попрощался в тире. Была небольшая(как мне показалось) дрожь. Я понял, что меня просто колбасит, когда сдавал револьвер и забирал ID; работник, который тоже помнил меня, спросил – ну как я пострелял. С большим усилием у меня получилось ответить ему – спасибо, хорошо. Я взял айди и просто не мог попасть им в прозрачный кармашек кошелька. Мне не сразу удалось это сделать и я ломанулся к выходу, и начал дёргать дверь; но её не откроешь, пока продавец не нажмёт кнопку. Когда я вышел на улицу, то не быстро побежал от тира. Ноги трусились, да и весь я был как в лихорадке, даже блевануть захотелось; но потом прошло. Я реально осознал, что если бы не этот инструктор, то я спустил бы курок,

приставив револьвер к своей голове.

Я прошёл мимо закуской. Есть совершенно не хотелось. Я кое-как доехал домой, временами хотелось перестать себя сдерживать и просто упасть на землю и трястись как эпилептика. Еле устоял. Велосипеда и остального естественно не было. Я пришёл домой и в одежде лёг под покрывало. Меня трусило ещё часа четыре. Только к вечеру я смог более или менее управлять своими конечностями. Следующие три недели я метался между желанием всё-таки сделать это, или уехать в Россию. Либо сыграть, а потом уже ехать; но подумав, решил, что дома будет слишком просто – там меня ждут любящие люди. Решил ехать в Калифорнию с минимумом денег. Понюхать настоящих, а не выдуманных сложностей.

Всё это время у меня на потолке была прикреплена мишень, я засыпал и просыпался глядя на продырявленного преступника. Она поселилась там с 28 мая.

Вдобавок ко всему я начал по-другому слышать песню Тату “Не верь, не бойся, не проси”. Это единственная поп-группа, которую я хоть изредка могу слушать. Так вот фраза “Кто-то понты, а кто-то маньяк” злила меня всё больше и больше. Я вполне знал, что способен совершить это. Я начал немного подготавливать напарника. Если бы получилось застрелить себя, то это должно было выглядеть как самоубийство. Про рулетку ещё меньше поняли бы. С двадцать восьмого мая я думал сделать татуху с годами жизни братьев; но как-то мне приснился старший Димка и по его настрою я совершенно точно понял, что не имею права бить его у себя на коже.

Итак, в субботу 16 июня, на обеде я сказал напарнику:

-Приготовься. В понедельник придут они.

-Кто они?

-Ты видел у меня двадцать шесть?

-Ну да. Так что это значит?

-Это мой номер в сообществе конской залупы. Тебе они набьют римскую двадцать семь на шею, если ты будешь достоин вступить в братство.

-Пиздунчик ты.

-Серьёзно; но я не хочу чтобы они пришли, даже надеюсь на это. Просто это общество, члены которого носят вместо галстуков конские залупы. Они проповедуют необходимость замены устоев, по которым развивалась и развивается планета. Если не изменить отношения, то не из-за чего будет и волноваться. Конечно я мечтаю, чтобы они не

пришли, иначе мне...

На стене, которую следовало после зашивать гипсокартоном я написал:

ДАЖЕ УЩИПНУВ СЕБЯ
ТЫ ПРОСНЁШЬСЯ
НА

ВРЯД ЛИ.

Конечно никто ничего не понял. Меня только подкололи, что не знаю как пишется “навряд ли”. Я согласился. Как же им повезло.

В воскресенье был день отца, поэтому тир был закрыт. В понедельник был ограниченный доступ, какие-то учения. Всё равно решил ехать. Постоянно думал: куда же после? Россия? Калифорния? Сел на лавочке в паре кварталов от рокового места. Малюсенький такой скверик; на вывеске значилась дата основания 18 и ещё пара цифр. Сел по-турецки на лавочку и позвонил дружище в Краснодар. Полчаса слушал какие дебилы какого сорта диски у него покупают. Время кончилось. Думал поесть перед тем как идти. Не смог. Ложь наверно про пиры перед казнью. Мне даже печенья не залезли, которые нёс с собой. Сидел и гладил подушечками пальцев спинку лавки, чувствуя все неровности структуры. Никогда до этого мне ещё не хотелось так жить. Наверно это желание граничило по силе с желанием человека, которого привели на расстрел и даже глаза уже завязали, но в нём ещё жива надежда – а вдруг осечка?

Встал; ноги даже немного просели. Я собрался, выдохнул и пошёл в нужном направлении. Деда, что сидели неподалёку заинтересованно посмотрели на меня. Я нервничал как перед самым главным экзаменом в моей жизни. Когда подходил к зданию, чуть не убежал прочь. Когда же вошёл внутрь, держался уверенно. Пошутил с продавцом, взял револьвер(мне хотели дать, тот что поменьше, но взял любимый) и пачку патронов. Поднялся, взял очки и наушники. Мне дали вторую дорожку, почти у выхода. За спиной было окно, но людей в тот день было очень мало. Я прикрепил мишень, выбрал дистанцию и нажал кнопку. Открыл пачку с патронами, вставил один, крутанул барабан и...последнее, что помню – это удаляющаяся мишень.

Всё сказанное ниже о нахождении в госпитале документально подтверждено во многих ведомствах города Филадельфия, штат Пенсильвания. Экспертиза признала произошедшее несчастным случаем. А записи выше этого абзаца никоим образом не могут быть предоставлены для оспаривания официального заявления. Это как в известном мультике: “Альбом предназначался только для рыб”. Просто у меня кукундер поехал от тонн обезболивающего и частых наркозов. Благодарю за [понимание].

Следующее, произошедшее за пару секунд я расскажу со своего тогдашнего понимания времени. Глаза как будто были внутри черепа, они были прикреплены к задней его стенке. Был сплошной чёрный экран. И вот его озарила вспышка и молниеносный гул. Удар был такой силы, что сравним наверно с тысячью апперкотов, но я остался на ногах, потому что уже стоял в позе для стрельбы. Сила была столь велика, но нашла себе выход через такую маленькую площадь, что меня как будто проткнули иглой. Я открыл глаза. Мишень расплывалась. Выпал патрон. Меня начало сильно шатать, сила падала как у героя игры, который встал на поверхность, отбирающую жизнь. Смерть. Я увидел её во всей её безобразности. Это чёрное неизменное бытие. Она предстала передо мной в виде дождливой ночи. Мою жизнь символизировала толстая кирпичная стена, а пролетевшая снизу вверх пуля лопату, которая чирканула по стене, но не пробила её. Я решил стрелнуть в висок, чтобы прекратить муку. Боль была приглушённая, как будто не во мне, а где-то рядом. Я очень расстроился, что в револьвере больше нет патронов. Так сильно хотелось себя убить наверняка; но сил чтобы зарядить уже не было. Тут я наконец вспомнил, что вот-вот умру. Стало так обидно, что ОН не поверил в меня, ведь я был искренен, не была места лжи. Из-под подбородка хлестала кровь, можно было набрать ладоши за пару секунд. Я потрогал дырку во лбу левой рукой и со злобой откинул пистолет. Я посмотрел в проход. Там виднелся мой инструктор. Он понял не сразу. Последнее, что я смог подумать, пока ещё стоял – зато сделал до конца.

Я понимал, что вот-вот умру. Мысли совершенно не могли сконцентрироваться. Я не помнил ни друзей, ни маму, никого. Я просто ждал. Подбежал мужик, который выдавал мне наушники, и с криками начал затыкать мне дырку во лбу, чтобы хоть из неё кровь не била. Мимо меня выбегали испуганные посетители. В ближайшей

кончине не было и капли сомнения. Я думал, что это та самая деятельность мозга после общей смерти организма, которая идёт ещё пару минут. Этот мужик кричал как полоумный “Stay with me!” Причём он большее ударение делал на предлог. “...пизда! Чувак, мне пришла пизда. - с иронией подумал я. - мы не в вашем фильме, и я скоро отъеду.” Пуля перебила нижнюю челюсть на две независимые части, пробила нёбо, носовую перегородку и вылетела чуть выше сочленения носа со лбом.

Я лежал и чувствовал как выбитые зубы были где-то не на месте, язык не чувствовал совсем, думал, что отстрелил его. Пока ещё были силы, силился написать своей кровью на полу слово PAIN. Кровью получилась только первая буква, но они поняли меня и сказали, что не могут ничего дать до госпиталя. Они что, смеялись надо мной? Какой госпиталь! Я совершенно не мог дышать, как будто получил под дых, в носу была кровавая каша. Они спросили, был ли это суицид – естественно я ответил, что нет. Это не было суицидом! Я хотел жить! Они поблагодарили меня, за то, что сказал, что сам выстрелил, видимо это уменьшало количество их проблем; а они как и я думали, что мне уже крышка. Тут я совершенно перестал чувствовать тело и уже не мог пошевелить даже пальцами, хоть и пытался. Я улыбнулся про себя и подумал – уж лучше теперь умереть, нежели остаться в живых таким. Готовился к отлёту, или к чему там. К следующим толками: тем, которые тут не знамы. Думал – вот сейчас и узнаем как раз, вокруг чего развели всю эту пляску.

На моё удивление я никак не отрубался, меня вынесли по узким лестницам в карету скорой помощи. Боковым зрением я увидел дневной свет. Какой же он яркий. В машине немного полегчало и я смог снова написать про боль. Санитар попросил прощения: он тоже ничем не мог помочь. Стало даже обидно, что так долго не могу умереть. Тут меня завезли в госпиталь; срезали майку, стянули обувь и джинсы; и я даже смог ещё раз отрицательно повертеть головой на вопрос о суициде. Тут на меня надели маску с наркозом и я начал засыпать. Конечно думал, что это в последний раз. Промелькнула мысль “спасибо”.

Я очнулся, но даже не придал этому такого мистического значения. Зрение было очень расплывчатым. В комнате кто-то находился. Мне показалось, что это человек в чёрном плаще, который светится. На самом деле это стоял Ангел, а свет падал из окна и поэтому ещё сильнее размывал его черты. После сильного

напряжения зрения удалось его разглядеть; он очень жалел меня и покачивал головой с явным расстройством. “Не жалей меня! Заслужил!” Подумал я и отрубился. Вообще первые двое суток мне предстали в миксе из отрывков реальности и коктейлей, из которых морфин был самым слабым компонентом.

Следующее, что я помню, это как полицейский и доктор говорят обо мне. Самое основное из разговора было мной схвачено: врач сказал, что мозг не задет и мамка в Россию оповещена. Они назвали меня счастливымчиком. После этого я с облегчением вырубился.

Только на третьи сутки я наконец-то понял что и как. Был весь в капельницах, в горле трубка для дыхания, на руке автоматический тонометр, который измерял давление каждые полчаса, на ногах пневматические массажёры во избежание кровяных тромбов, в члене катетер. Не было лишь искусственной вентиляции лёгких; оказывается была, но только первые двое суток. Тогда пришла в голову мысль – а как же меня питают? Наверно через капельницу. Я даже не особо помнил, что временами у меня становилось очень тепло в области желудка, временами даже жгуче. Только после я увидел, что у меня в боку торчит ещё одна трубка, через которую в меня и заливали питательные растворы и обезболивающее. Меня спросили про страховку. Естественно её не было.

Только с того дня я более-менее помню происходившее. Удалось научиться смотреть не открывая глаз. Это когда ты представляешь себе, что открываешь глаза, хотя физически они остаются закрыты. Даже в самые свои жёсткие состояния мне не удавалось это. Теперь же как раз плюнуть. Мог даже разглядывать микробов на халатах медсестёр. Это единственное, что меня забавляло в то время. Остальное же было невыносимо. Время тянулось раз в сто медленнее, ночь полностью поменялась с днём. Мне почти неделю не удавалось понять какое время суток идёт, когда на часах был восьмой час. Ни разу не угадал. Когда думал утро, спустя пару часов начинало темнеть. Потом внезапно рассветало. Можно было засечь на циферблате время в семь пятнадцать, закрыть глаза, прокрутить в голове все мысли, всё прошедшее; открыть глаза и встретить семь сорок. Какая оказывается пустая была у меня жизнь. Вместо того чтобы купаться в любви, я утонул в ненависти. Было невыносимо скучно. Боли как таковой не было; меня можно сказать промывали наркотой. Только когда меняли повязки, я начинал ненавидеть ситуацию, боль и медсестёр.

В отверстие под подбородком вставили пластиковую пробку, чтобы она держала форму и не давала срастаться тканям. Между пробкой и моим подбородком был проложен смазанный бинт. Его меняли дважды в сутки. Хотелось умереть при каждой его замене. В дырке во лбу был бинт без пробки, но он успевал пропитываться моей кровью и вращаться в меня. Когда его отрывали, я как мог сжимал кулаки и прижимал руки к кровати, чтобы не начать бить людей, которые за мной ухаживали. Нащупал свой рот и нос. Оба были как-будто игрушечные и чужие. Никакой чувствительности; только запёкшаяся кровь комками в носу и уголках рта. Говорить я не мог. Только показывал пальцы или писал пальцем на простыне. Они часто меня не понимали и я злился. Часто мне делали откачивание мокроты, нос всё равно запёкся, поэтому моя дырка в шее стала единственным моим кормильцем в плане воздуха. Они откачивали специальным приспособлением сгустки крови прямо из пластиковой трубки, иначе я начинал задыхаться. Это было очень неприятно, как будто маленький пылесос засовывали в горло. Было и больно, поэтому каждый раз перед новой откачкой я жестами просил сестру подождать и обхватывал себя обеими руками за корпус, начиная сжимать его. Так было немного легче. Тем более так я обезопасивал персонал от своего рукоприкладства.

Мне говорили покажи один палец если ты в госпитале, и два если дома. Мне приходилось задумываться даже над такими вопросами. И то иногда показывал два. Меня переспрашивали и только тогда я исправлялся. День на четвёртый за мной ухаживал парень лет тридцати. Он спросил у меня про страховку(кажется это он первый дал мне ручку и бумагу, а может и нет) и когда узнал, то ушёл искать похожих на меня людей из Чикаго, которые когда-либо попадали в этот госпиталь. Он объяснял мне, что мне оденут браслет с чужим именем и так страховка покроет счета. Было так интересно наблюдать за его этой беготнёй. Люди сверху жопу рвут, чтобы развести нас по разным баррикадам, а этот паренёк ищет ходы, чтобы мне помочь. Позже он менял мои повязки и делал это грубовато; я понимал, что там по-другому никак, но легче от этого не становилось. Я стонал и ворочался как на сковороде; отчётливо представлял себе как бью его в лицо: удар, два, три; вот оно уже похоже на кашу, а я его всё метелю и метелю. На самом деле кулаки с невероятной силой продавливали поверхность кровати. Если б я умел орать, то меня было бы слышно на несколько улиц вокруг. Но о существовании

своего языка я просто напросто забыл. Его не было.

Я написал ему на бумаге, что не могу терпеть боль; он принёс шприц на две унции, заполненный почти чёрной жидкостью. Помоему он заправил меня в четыре часа ночи(за окном была ночь). Это был самый сильный раз, когда меня так торкнуло. Меня просто выбило из болезненного и страдающего тела. Я отъехал на пляж. Было настолько на всё наплевать; даже мысль пробежала – а что, я себе вроде в голову стрельнул? – Это того стоило. Да за такую штуку можно каждый день в головы стрелять. Меня так колбасило, что не было ни одной проблемы. Помог рассвет, который в шесть утра в один момент озарил всю палату ярким оранжево-жёлтым светом. Он ещё сильнее помог мне поверить, что я сидел в шезлонге на пляже и пил сок через трубочку. Причём пляж был на крыше госпиталя, потому что с него был точно такой же вид на центр. Пришла доктор и увидев моё состояние, ушла. Она дёргала руками у моих глаз; я на секунду увидел её, как бы загораживающую пляж. Её взгляд показал, что она даже и не думает от меня чего-то добиться. После ухода докторши меня с ещё большей силой кинуло в пляж. Как будто я был камушком из рогатки, метко пущенным в шезлонг, но вовремя отвергший инерцию и просто оставшийся сидеть на удобном месте. Кое-как меня раскачала следующая медсестра часам к восьми.

В тот день впервые увидел своего хирурга, о котором ещё впереди. Он пришёл со своим учеником. Спросил вижу ли я? Кивнул. Оба ли глаза работают исправно? Снова кивок. Вижу чётко? Снова положительный ответ. Он сказал “удивительно” и ушёл. Потом мой врач(который поначалу вёл меня) сказал, что я сказочный счастливчик, и шанс получить такие минимальные увечия был один к ста двадцати. Спросил специально ли я так умело стрельнул и назвал меня “Nice Shooter”. Я ему написал, что это была ошибка. Он недоверчиво кивнул и ушёл. Этот доктор был уже седоватый, но подтянутый и сильно смахивал на одного немецкого порноактёра старой школы. С ним вечно приходила его помощница лет тридцати пяти с ярко накрашенными губами. Она вела себя по дружелюбнее; он же был не очень-то добр.

Может я чего и напутаю в точной последовательности. В общей сложности меня прокатили по пяти, или шести палатам. В последней я был до самой выписки. Это была самая долгая палата в моём распоряжении. Три недели я был в ней не гостем – хозяином. И так, предстояла первая операция на челюсти, а тут произошёл вот какой

случай. В мою последнюю перед операцией ночь, моей медсестрой была чёрная женщина лет сорока. Ей предстояло поменять мои бинты и помыть меня перед операцией. Я писал ей целые поэмы, о том что при замене бинтов мало одного морфина – он не справляется; в итоге я испытываю нечеловеческую боль. Она не поверила. Мне даже помощник хирурга как-то приходил типа на практику и приносил мощную штуку в тоненьком шприце. Вот она меня выбивала. Даже во время замены самого болезненного бинта в челюсти, я мог вполне отвлечься от происходящего. У неё же не было волшебных препаратов, зато была настойчивость и я приготовился к испытанию.

Она принесла маленький приёмничек, поставила его возле раковины, настроила на какую-то нейтральную для меня волну вроде песен Майкла Джексона; притащила двухлитровую бутылку дешёвой содовой и пачку печенья. Зачем-то сильнее включила мне подачу питательных растворов и приступила. Она отрывала прилипший к крови пластырь и я выл про себя от невозможности стерпеть такое, при этом максимально пытался вдавить голову в подушку, как-будто таким образом мог убрать её из зоны рук медсестры. Мне ещё нельзя было по времени давать новую порцию морфина, поэтому она бинтовала меня на остатках предыдущей, которой уже явно не хватало. Она попросила показать силу боли от одного до десяти; я показал десять дважды. И снова со всей силы сжал кулаки. Иногда задерживал дыхание, иногда наоборот учащал, пытался максимально абстрагироваться от боли. Не получалось. Она начала плакать. Я отчётливо видел как она вытирала слёзы тыльной стороной ладони и иногда отходила закинуть печеньку и запить её глотком газировки. Почему-то я увидел её молодой, как она ведёт маленького сына в школу, потом его уже взрослого сбивают на машине, или убивают в очередной перестрелке. Мне даже и в голову не пришло, что ей настолько жаль меня. Когда оставалось совсем чуть-чуть, то я приподнялся с подушки и толкал голову навстречу ей. Боль уже настолько пронзила моё тело, что даже не было разницы в её силе, даже пятки я ощущал, как будто в них были воткнуты иглы; наверно боль из-за собственной силы не смогла сосредоточиться на таком маленьком участке, как мой подбородок, и разлилась в каждую клетку организма. Сестра заметила это и похвалила меня, ей было намного легче при таком положении головы продеть новый бинт между плотью и пробкой.

Голова упала в изнеможении на подушку. Дырка во лбу была

менее болезненной. Да и менять её было удобнее. Закончив, медсестра меня похвалила, себе закинула печеньку, а мне влила морфина. Боль, которая была на девять с половиной минимум, пошла на убыль, но дойдя примерно до трёх застопорилась. Она меня купала, а в комнате работал кондиционер. Купание было почти завершено, когда мне в правый бок вступило. Я насторожился. Понял, что это может быть. Начал надеяться, что не то и отпустит, пройдёт. Тем временем сестра меня уже одела и оставила на кровати. Как же мне вступило. Точно! Почка. Вот это сюрприз. Почка сразу перетянула на себя всё мою возможность воспринимать боль; на челюсть её уже просто не осталось. Причём схватило так сильно (по десяти бальной шкале сорок), что я даже не смог объяснить сестре, что именно со мной, да и она ни хрена не могла понять. Я позабыл про все свои провода и шнуры и раком встал на кровати, и быстро-быстро дышал. Боль не уменьшалась ни на грамм. Если бы не сама она, то я бы отключился от усталости, но не мог. Это продолжалось с трёх до пяти утра.

Солнечные лучи начали несмело прогонять темноту из палаты. И тогда хоть на секунду получилось отдохнуть – я увидел насколько красив центр во время рассвета. Как синее стекло небоскрёбов заигрывает с оранжевыми лучами и они, отражённые, летят освещать более низкие каменные многоэтажки. Но это прошло в момент, наконец я понял и написал на тетради, которую мне дал помощник хирурга, что в 2008 у меня были камни в почках. Медсестру как током ударило, было видно как ей стало стыдно, что я уже два часа карачиюсь тут на кровати меняя позы, в надежде спастись от такой сильной боли. Она в миг связалась с урологом и ей разрешили влить мне ещё шприц морфина. Я получил возможность дышать. Как же мне стало легче. Хоть боль ниже четырёх и не опускалась. За мной уже пришли санитары с каталкой для операции на челюсти, но поняв, что не пригодятся, ушли.

Меня посетила доктор, отвечающая за меня и докторша из урологии. Посоветовавшись они решили меня не оперировать. Приехали две симпатичные медсестры и сделали мне рентген прямо на моей же койке. В канале из правой почки в мочевой пузырь обнаружили два небольших камня. Меня решили перевести в другую палату. Морфин пёр так, что кроме боли, которую он не мог заглушить, я ничего не понимал. Меня повезли по больнице. Привезли как мне показалось в лифт и ещё добавили морфина. Я

думал – какой странный лифт, тут и имя моё написано на телевизоре. Мне даже дали пульт вызова сестры, но я так и не вкурил, что нахожусь в новой палате. Пришла моя медсестра на тот день и начала меня изучать: оторвала со лба пластырь(в ответ на это я показал ей фак), хотела сорвать пластырь с подбородка, но я не дал. Мне казалось, что она работает в службе доставки по госпиталю, а я всё ещё так долго не мог попасть к себе. Потом я от усталости вырубился. В палате был туалет, дверь его была приоткрыта. Мне же показалось, что это дверь на пожарную лестницу, с которой кричали люди, пытавшиеся спасти меня, потому что я застрял в лифте. Я увидел дверь из палаты и понял, что только сам могу выбраться, тем более они всё громче и громче начинали кричать. Я встал еле-еле, но капельницы не дали мне дойти до двери; их едва хватало отойти метр от кровати. Тогда, не долго думая, я сорвал с себя все провода. Резко так. Из дырок от них пошла кровь, но мне было плевать; пошёл к двери и тут зашла моя медсестра. Она чуть в обморок не упала от моего вида. Кровь уже дотекла до ладоней, а я всё никак не понимал, что же происходит. За мной пришли санитары везти меня на сканер, а я в крови. Натали(а именно так звали сестру в тот день) быстро приводила меня в порядок. Она ругалась. За меня её могли очень сильно наказать. Я ни хрена не понимал: ни почему она злится, ни почему она меня приводит в порядок, ни почему санитары пялились в палату из коридора.

Меня повезли на сканер. Снова вмазав перед тем обезболивающим, но не морфином(я написал, что хочу другое). Мне казалось, что морфин спровоцировал почку, хотя это было всего-лишь совпадение. На сканере меня просветили как промокашку. Женщина, что сканировала меня вышла из своей кабинки с лицом, как-будто она увидела приведение. Она с животным страхом в глазах спросила – что со мной произошло? Я показал жестами, что несчастный случай. Она такого ещё не видела. Впрочем как и все врачи этой больницы. Никто не верил в меня. Они сначала бегали вокруг меня, как вокруг небывалого чуда, как мне потом сказали, у меня стружки от раздробленных пульей костей были разбросаны по поверхности мозга. В дальнейшем их почистили. Врачей больше удивляло не то, что я остался в живых, а минимальный ущерб. Пройди пуля на полсантиметра вглубь – я бы умер от кровоизлияния в мозг. Если бы всего два миллиметра глубже случившегося – остался бы навсегда идиотом(неясной степени) с дыркой в несколько квадратных

сантиметров во лбу. А если бы хоть полсантиметра наружу, то пуля полностью вынесла бы всю часть лица от верхней губы и до глаз; носа не было бы совершенно. Теперь про отклонения вбок – два-три миллиметра в любую из сторон и не было бы глаза и надбровной дуги с выпавшей стороны. Пуля прошла в месте сочленения носа со лбом, там есть швы срачивания костей, и поэтому там не такая высокая прочность. Иначе вынесло бы кусок черепа с пол ладони. Так вот пуля пронзила мою голову как нож тёплое масло и помяла железную балку крыши. Что тут ещё говорить.

Меня повезли в хирургическое отделение урологии. Врач(100%-й еврей) сказал мне какое-то слово по-русски, после чего долго объяснял как они решили проводить операцию. Было решено вырезать камни через канал уретры, для этого необходимо было вставить в член какой-то зонд, дойти из мочевого пузыря в канал между ним и почкой и электричеством расщепить камни; после чего достать. Я сказал – действуйте. Как будто был выбор. Весь день до этого боль не отпускала меня. Это было похоже на камень в несколько тонн, который положили мне на бок; он не двигался и соответственно не становилось легче. Я сел на край кровати, спустил ноги на пол и представил на месте боли огромную жабу, которая не хотела уходить. Я сконцентрировался на ней, и начал мысленно лупить её со всей силы, попеременно меняя руки, ноги; мутузил её безжалостно, очень быстро нанося удары руками и как можно сильнее ногами(больше бил правой ногой). Она квакала, была недовольна, дёргалась от ударов. И вдруг мне стало легче. Я преодолел её – бок отпустил. Уставший и измотанный я залез на кровать и уснул. Позже мне принесли новое обезболивающее и оно помогло совершенно.

В операционной было очень холодно. Я перебрался с каталки на операционный стол, после чего забылся от наркоза. Очинался после операции долго. Мне казалось, что все мы(а оперируемых было несколько человек, друг от друга нас загораживали лишь шторы) гуляем по подвалу древнего замка, разглядывая его богатую коллекцию картин. Меня и пёрло и было больно, и в туалет хотелось, и всё подряд. Наконец я смог открыть глаза. Меня приветствовал доктор “меткий стрелок”(он тогда ещё не отказался от меня). Я объяснил ему, что хочу удовлетворить малую нужду, он дал мне пластмассовую утку и я, погрузив в неё член, начал мочиться. Они удалили камни, а чтобы стенка канала заживала, воткнули по всей его площади пластиковую трубку, внутри которой уже и текла моча. Я

разрыдался в голос. Боль была нестерпимая, казалось, что я высыкаю розочку от бутылки из-под шампанского. Я рыдал, вертелся, но не останавливался. Доктор, увидев мои мучения, влил мне ещё дозу морфина, как только я закончил. Немного попустило. Оказывается он пришёл на операцию для своих целей: пока наркоз не прошёл, но с почками разобрались, за дело принялся он. Он вычистил мне нос, напрочь забитый сухими кровяными сгустками, связал проволокой верхнюю и нижнюю челюсти. Я рыдал в голос когда мочился только потому что теперь мне более менее распределили зубы во рту – раньше это была бесформенная каша. Да и язык оказался на месте(не совсем), лишь кусочек его сгорел от проходящей вскользь пули. Маленький его кусочек навсегда покинул хозяина, а весь оставшийся отстрельнул назад и до сих пор не приобрёл былой чувствительности. Если потрогать его, то он до сих пор как обожжённый и на прикосновение как будто бьётся током. Есть мышцы, которые натягивают язык к передним зубам, поэтому он может высовываться наружу. Мой уже нет. Пуля порвала эти самые мышцы; теперь язык глубоко внутри моего рта. Он не вернётся на место. Меня привезли в мою палату, к моей медсестре.

Натали мне очень понравилась, правда она была громковата и слишком резва. Оказалось, что у неё отец с Украины, но она его никогда не знала. Тогда я наверно совершил ошибку, хотя может и нет. Я показал ей как вставляю один патрон, кручу барабан и далее. Странно, но она стала относиться ко мне ещё лучше, в её взгляде появилось уважение. Это был единственный раз за всё моё пребывание в госпитале, когда я сказал человеку из персонала, что же произошло. Может морфин совсем страх отбил; не знаю. Но это точно не было мне в минус, как я узнал позже(более месяца с момента поступления в госпиталь), они с самого начала держали меня за суицидника. И всё равно лечили. Как же я им благодарен. Они сразу же сравнили мой возраст и татуировку на предплечье. Приехавшие друзья были застигнуты врасплох: полицейский с самого начала оказал на них прессинг и сказал, что это самоубийство, не иначе. Они, будучи в шоковом состоянии, согласились. Когда они пришли в первый раз(то есть я уже помнил их визит; хоть они меня навещали ещё в первый день), то первое, что я написал пальцем на простыне, было “простите”. Они улыбнулись, сказали, что всё хорошо; мамка знает и любит меня.

В той палате я впервые понял, что остался в живых. Это было

дней через десять после моего прибытия в госпиталь. Палаты оборудованы мультимедийной системой, которая включает в себя телевизор дюймов в сорок, компьютер с доступом в интернет и несколько папок с музыкой релакс на жёстком диске. Тогда я включил одну из папок и из пульта(в нём же и был динамик) вырвались звуки пианино. В тот день у Натали была помощница, практикантка из университета. Я попросил её пододвинуть кресло к окну. Бедняга играла в пятнашки с огромной кроватью и креслом, кресло никак не хотело пролазить к окну; только путём многократных перемещений ей удалось пододвинуть кресло вплотную к окну. Всё это время я стоял у двери, держась за капельницу на колёсах. Она посадила меня и накрыла пледом. И вот в таком состоянии я сидел, смотрел в окно на красивое здание через дорогу и плакал. Плакал просто потому что мог. Музыка была очень красивой, а я живым.

На следующий день меня в очередной раз повезли на какую-то процедуру; во время поездки моему взору предстал телевизор, по нему шла реклама какого-то напитка: в стакан летел кусочек льда, ударялся о его края и попадал в жидкость, которая в свою очередь щедро выплёскивалась наружу и текла по стенкам стакана вниз. Вряд ли меня кто-то поймёт. Как же мне хотелось пить...через рот.

Потом я проходил кучи тестов, проверок, сканирований, всего. Пришёл доктор Хэффелфингер(мой спаситель; не меньше), когда я в очередной раз слушал эту музыку. Доктор удивился моему бодрому состоянию. Он и подумать не мог насколько я был рад, что остался в живых. Доктор уверил меня, что заживление идёт быстро и я сильный пациент. На это я уверенно кивнул, чем даже немного удивил его. Правда доктор попытался скрыть удивление моей уверенности; ведь хороший настрой уже полдела. Он начал говорить быстро, пришлось написать ему, что я русский и не понимаю его речь. Он стал говорить помедленней. Доктор сказал, что с моей проблемой могут справиться только в трёх заведениях на всю Филадельфию и он один из тех, кто реально может это сделать. Он спросил, хочу ли я увидеть свою томограмму? Я ответил отрицательно. Доктор всё равно достал телефон, нашёл на нём мою фотографию и показал. Как же это было ужасно: пуля просто пробороздила в моём черепе канал; он начинался с полнейшего разрушения нижней челюсти, потом шёл через верхнюю, нёбо и потом разрушал носовую перегородку и выходил через лоб. Я заплакал и отвернулся от доктора и его помощника. Мне было стыдно, что у меня кости превратились в кашу. Сама по себе

картинка была ужасна, тем более это картинка моей(!) головы.

Он поспешил успокоить меня. Сказал, что это возможно. В операции нет ничего сложного, просто восстановление займёт полгода, может год. Ну то есть, - исправился он, - не так уж это и просто, но мне под силу; правда. Тут произошло именно то, что навсегда привязало меня к нему. Я попросил немного подождать его и стал корябать в тетради(всё моё нахождение в госпитале прошло исключительно на английском языке; за семь недель, проведённых в его стенах, я встретил лишь двух русско-говорящих членов персонала; конечно всё буду писать уже по-русски): “Доктор, у меня сейчас лишь одна мечта – я хочу пить. Просто быть в состоянии пить.” Он прочитал, подскочил и чуть ли не криком ответил мне – ты будешь! Молниеносно пожал мне руку и поспешил из палаты. На его глазах появилась еле заметная мокрая пелена.

Больше недели я ещё ходил с этой трубкой в члене. И каждый раз, когда ходил в туалет, то хотелось оторвать член и выкинуть подальше от себя. На нём была какая-то плёнка, к которой крепилась чёрная нитка, за которую в нужное время из моего члена вытащили нечто похожее на соломинку для питья коктейлей.

Хочется отдельно рассказать об одной медсестре. Она получила меня(по-другому и не скажешь) в ночь перед операцией на почках. Да. Она была после Натали. Так вот эта сестра готовила меня к операции на челюсти, но её отменили, поставив сначала почки. Эта не маленькая девушка, в метр шестьдесят максимум, ковыряла меня как заправский мясник. Она мне объяснила, что в её задачу входит вытащить из меня ту самую злополучную пробку, которая уже почти две недели жила под моим подбородком. От одной мысли меня кинуло в дрожь. Я всячески умолял её не делать этого. Несколько страниц исписал просьбами. Она пошла навстречу – дала обезболивающее и только через час, когда его действие максимально эффективно, начала разделку. Сестра вытянула бинт, это было ещё полбеда, но когда она начала ковырять пробку, чтобы вытащить её из меня, даже выдавшему виды мне, показалось, что всё это мне кажется, и никакой это не госпиталь. Просто мне выдали билет в ад, где я и буду проходить свою переподготовку. Вечно. У неё никак не получалось. И тут она залезла на меня, как при позе наездница, так что я оказался у неё между ног, и начала тянуть сильнее. Я отрубился; честное слово. Впервые.

Когда я очнулся, то обнаружил себя положенным на подушку в

таком состоянии, что гной с моего рта стекал мне на грудь. Она подложила несколько подушек как подставку для головы. Сама же медсестра в этот момент настраивала параметры капельницы. Единственное, что я смог откопать в своей памяти на тот момент, так это факт неудавшейся попытки вытащить пробку. Я попросил тетрадь и ручку, и написал ей “ты же так и не вытащила пробку! так почему я сейчас перемотанный снова?” Она посмотрела на меня и сказала, что смогла: оказывается она её вытолкнула через лоб. То есть эта щуплая девчушка смогла протолкнуть пробку через мой мёртвый рот, сквозь дырку в нёбе, преодолеть отсутствие носовой перегородки и вытащить её в конце концов изо лба. В какую-то секунду я превратился в абсолютное уважение к ней. Сколько же в ней было силы. Больше, чем в каком-нибудь гигантском бойце. Сотворить такое с пациентом; вот это смелость. Если честно, я влюбился в неё. Если к Натали я относился скорее как к старшей сестре, то в Дженифер я влюбился по уши. Я представлял как вылизываю её с ног до головы(тогда я ещё не знал, что навсегда утратил возможность лизать что-либо); каждый сантиметр её тела. В этом не было никакой пошлости, просто хотелось быть её псом, благодарным псом. Как не пасть на колени пред такой мощью? Я так и видел как купаю её, потом на руках несу на кровать, кладу на живот и начинаю вылизывать всю, начиная с пальцев ног.

На следующий день, когда она пришла, а у меня уже была трубка в члене, я попросил её помочь мне. Я встал раком на кровати, опустил член в утку и начал ссать, стоная и шипя при этом. Она стояла за спиной. Я пожаловался ей на невыносимую боль; в ответ на это она начала объяснять как мне разрезали член, добрались до канала...я прервал её. Мне было неприятно слушать про это. Ко мне заглянула Натали. На минутку; спроведать. Я был ей очень рад. С Дженифер за два дня у нас успели сложиться весьма интересные отношения. Она иногда приходила, когда не было вызовов от других пациентов, и читала мой неграмотный английский. Оказалось, что ей тридцать один год, но выглядела она максимум на двадцать семь. Вообще у неё внешность актрисы. Она мне напомнила Дженифер Энистон; ей польстило такое сравнение. А вообще я ей чаще писал послания типа “Jep, хоть ты старая и толстая, но я всё равно люблю тебя!” Она уссыкалась, читая такую бредятину. Даже вырвала этот листик и понесла показывать другим медсёстрам в смене. Я слышал как они гоготали из коридора. Однажды и она заставила меня

засмеяться, это был первый раз с того дня. Как-то я написал ей: “ты умеешь читать?”, она заржала и спросила меня: “а ты боксёр?” Голова тогда походила на мумию; подбородок был перемотан ещё больше – из-за отсутствия пробки челюсть провалилась на пару сантиметров. И вот в этом состоянии я начал скрипеть на её шутку; именно скрипеть – я чувствовал как все мои проволоки не пускают моим эмоциям вырваться наружу. Смех вышел дурацкий, но искренний. Потом её перевели в другой отдел и я сильно загрустил о ней.

На смену Дженифер пришёл озорной парень Винни. Это был паренёк лет тридцати двух, весьма юморной и своеобразный. Он часто напевал песенки, пока менял мне повязки. Кстати он делал это аккуратнее всех. На тот момент я не испражнялся более двух недель и Винни заметил на это “да ты полон дерьма, дружище?” Мне принесли какой-то мощный препарат(обычное слабительное мне вливали ежедневно): это была груша с раствором в ней. Естественно её содержимое надо было выливать непосредственно в задний проход. Винни сказал, что запросто поможет. Я постеснялся и решил попробовать сам. Прочитав инструкцию, я улёгся на живот, насколько позволили капельницы и трубка в желудке; и вставив в задницу грушу, надавил на неё что было мочи. Мне показалось, что я выдавил её всю без остатка, на деле же оказалось, что лишь половину. Остальное выкинул в мусорку. Я уже нормально ходил, и каждый вечер обходил свой немаленький седьмой этаж. Пришёл Винни и поинтересовался насчёт успехов. Узнав, что всё в порядке, он ушёл.

Примерно через полчаса я почувствовал позывы, коих не было уже более двух недель. Никаких ошибок — я хотел срать. Пошёл в туалет, отстегнув себя от капельниц(внимательность помогла мне запомнить настройки капельниц и основные операции с ними; иногда я себя отсоединял, чтобы свободно передвигаться по палате) и сел на унитаз. Они в больнице явно больше стандартных. Тут началась такая боль, что мне пришлось пожалеть о том, что не принял перед этим обезболивающего(в тот момент меня как на убой кормили жидким оксикодоном). Как же мне начала рвать жопу, и передать невозможно. От столь долгого бездействия, прямая кишка явно потеряла в пластичности. Я посмотрел в отражение в воде унитаза: жопа настолько широко раздвинулась, что лезший из неё катя по размеру был сопоставим с языком внутри рта. Разница была в несколько раз. Меня просто разрывало от боли, а говно всё никак на могло долезть до выхода и выпасть в прохладную воду унитаза. Дверь в туалет я

оставил на всякий случай открытой – мало ли. Но как мне не хотелось, чтобы в такой момент зашли забрать мусор, или мыть полы. Наконец говно упало, наверно по плотности оно было как резина(не щупал); видимо этот катях играл роль затычки. После его падения пошло легко; как обычно. Из меня долго лилось говно, по консистенции близкое к поносу, но всё же посуше. Высравшись, я почувствовал сильнейшее облегчение; до этого живот уже болел и разрывался на части. Я смыл, но не помогло. Говно было настолько липкое, что вода никак не могла уволочь его за собой. Тогда только я понял зачем там сверху был ещё один кран типа душа, но на уровне пояса. Он ставился в горизонтальное положение и из него вода сильнее размывала нечистоты. Спустя только три таких смыва унитаз стал чистым как и до.

Теперь небольшое отступление про Ангела. Как я уже заметил, первый, кого я увидел после отключки при поступлении в госпиталь, был Ангел. Это имя лютеранского священника, который присутствовал при моём поступлении. Он признался, что когда увидел меня(дыра во лбу выглядела особо устрашающе, да и нижняя челюсть была как в дешёвых ужастиках), то подумал, что меня привезли на органы. Других версий не было. Всё лицо было к засыхавшей крови. Он сказал, что меня сразу подключили к искусственной вентиляции лёгких, вставили катетер, а я лежал и дёргался, как-будто под электрическим током. Ангел не верил, что я проживу больше суток. В тот момент, когда я впервые увидел его, он молился за меня. Он заметил мой взгляд, полный бездонного гнева. Ангел назвал меня бойцом, раз я выкарабкался из такого состояния. Когда спустя несколько дней он увидел меня сидящим на кресле, то был очень рад. Ближе общаться мы с ним начали лишь после того как полицейские отдали мне мои вещи: мои вечные джинсы, почти наполовину покрашенные моей кровью; часы деда, ремешок которых стал менее эластичным из-за засохшей крови; рюкзак в пятнах; и абсолютно чистые кроссовки. Когда я заходил в тир, сам не знаю почему, но в один задний карман джинсов положил медаль второй мировой, а во второй пять центов девятнадцатого века. Их тоже вернули. Кстати, полицейские вернули мне и все документы. Только печенье не вернули. Скушали наверно заморские печеньки. Даже смешно стало. А медаль и монету я подарил Ангелу. На память.

Когда же он узнал про два миллиметра, отделявшие меня от мучительного будущего, то удивился ещё сильнее. Он сказал, что я

могу и не верить, но это бог меня спас. Я ничего не сказал ему, но как можно было не верить? Я даже понял почему именно так всё произошло. Почему ОН оставил меня. Если бы патрон не выпал, то я смог бы потом доказать себе, что это удача. А так – это самое обычное чудо. ОН поверил в меня. Я отдался ему, поставил его тогда превыше себя. И он простил. Разве необходимо существование предмета веры, чтобы абсолютно искренне верить в него – писал Ницше. Именно это и произошло. Я поверил в него вплоть до самоуничтожения. И был прощён. Все в госпитале удивлялись темпам моего выздоровления: оно шло в два раза опережая намеченный график. Разве смел я сомневаться в том, что мне теперь есть зачем жить? Поэтому и делал всё, что мог, дабы быстрее выкарабкаться на следующий этап выздоровления; потом на следующий. И так много раз.

Ангелу я не сказал про это. Но мы с ним по долгу общались (я писал в тетради). Он оказался начитанным: мы говорили про Сталина, Троцкого, Достоевского, Гитлера. Он всё никак не мог поверить, что всё это я читал и знаю многие моменты не по передачам из телевизора, а из первоисточников. Иногда я его уже просил уйти, потому что сильно уставал. Да и голова ещё не вошла в свой рабочий режим.

Иногда я вспоминал, что сделал. И долго плакал. Как я мог стрелять в себя? Как?! Это ужасно! Становилось по-животному страшно. Теперь бы не смог. Это точно. Наконец-то получилось осознать такую простую истину.

Надвигалась главная операция: восстановление нижней челюсти. Пришёл тот же помощник доктора Хэффелфингера и объяснил мне что к чему. Оказывается пуля настолько раздробила и сожгла нижнюю челюсть, что восстанавливать её было попросту не из чего. Предполагалось вырезать кусочек бедренной кости, или недалеко от лодыжки, рядом с камбаловидными мышцами. Всё зависело от решения доктора. Это он маэстро, – сказал помощник, – как решит так и будет. На операцию меня увезли в шесть утра. Примерно в полседьмого я ушёл от наркоза. Вернули в палату меня в пять двадцать вечера.

Очнувшись, я увидел изменения в уже сложившемся вокруг меня оборудовании: теперь ко мне подключили ещё один вакуумный насос, который откачивал жидкость из ноги. Ногу же от самого таза и почти до колена украшал глубокий шрам. Железные скобы хоть и

стягивали его, но всё равно в него можно было бы просунуть линейку. Казалось, что скобы вот-вот не выдержат, и моя нога раскроется как туго набитый чемодан. Было неприятно, но я осознавал, что нога то моя. Деваться было некуда. Шланг от насоса ещё ограничил мою и без того не царскую подвижность. Чуть выше шрама из ноги торчал маленький пластиковый пузырь с защёлкой как на тюбике зубной пасты, туда и подключался вакуумный насос. Внутри же пузыря постоянно находилась кровь вперемешку с сукровицей и с уже засохшими кусочками. Когда меня возили на процедуры, то отключали уже и от этого насоса, а защёлка предотвращала вытекку жидкости. Вот тут признаться я и дал слабину. Пять дней я провалялся как говно, без каких-либо улучшений состояния. В голову закралась мысль, что только для того мне и было позволено выжить – чтобы испытывать такое сейчас. Когда чувствуешь улучшение, то идёшь к нему навстречу; когда же неделю проваляешься без изменений, то уже и не знаешь что к чему.

Я не видел смысла выздоровления. Швы на челюсти напоминали авоську. Она была прошита так часто, что походила на кусок дорогого карбоната, который перетягивают бечёвкой. К тому же она опухла и стала больше своего размера почти в два раза. Каждый день так же меняли повязку на лбу. Челюсть оставили в покое, но я не чувствовал, что мне повезло. Вот тут я понял, что может быть хуже – меня отдали команде интернов. Эти ребята примерно в пять часов каждого утра приходили компашкой человек в шесть-восемь. Самый старший из них срывал пластырь с моего лба и я, рыдая (больше от обиды, нежели от боли) представал перед ними во всей наготе. Было намного хуже, чем если бы я сидел голым перед всем классом в школе. Теперь можно было видеть даже нутро моей головы, в которую никому никогда не удастся заглянуть, как я до этого думал. Я сидел, ныл и недовольно показывал пальцем на дырку во лбу. Они цинично писали в блокнотах моё состояние и уходили. Оставалось только двое, которые и меняли повязку. Всю ту неделю мне по утрам повязку меняли молодые доктора, а не медсёстры. Практика.

В то время я начал смотреть на себя в зеркало. Мои серые глаза стали как никогда яркими. Почти синими. Я оттягивал нижнюю губу и смотрел на свои нижние зубы. Дёсны походили на подошву дорогих ботинок: они были прошиты в несколько слоёв. Мне показалось, что если за раз вытащить из моего рта все нитки, то можно запросто вышить коврик с надписью “Добро пожаловать” и положить его у

входа в мою палату. И верхние и нижние зубы опоясывала проволока, которая, когда ко мне возвращалась чувствительность челюсти, раздирала губы изнутри и не давала забывать о себе.

На один день ко мне вернулась Джен. У неё была помощница индуска. Дженифер была очень рада, что я уже без дырки в нижней части лица. Как же мне тогда было хуёво. Единственное, чем тогда (на протяжении первых дней десяти) был переполнен мой мозг – так это подсчётом приёма обезболивающего. Его давали раз в четыре часа и надо было прогадать так, чтобы с утра, часа в четыре, получить очередную дозу. Иначе не исключался факт обоссаться от боли при каменнолицых интернах. Все они были примерно моего возраста; плюс-минус год-два. Однажды главный из них увидел у меня кожу на губе и сорвал её резким движением. Меня переклинило; не знаю, как я не ударил в его лицо. Что-то остановило, но как же он был близок чтобы отхватить.

Однажды боль была настолько сильна, что я лежал и только и ждал целый час следующей порции. Состояние было на грани психического срыва. Нижняя челюсть тянула в три стороны. Теперь она состояла из трёх независимых частей, которые не особо ладили между собой; выворачивались зубы. Между средними зубами можно было вставить палец – настолько челюсть разъехалась в стороны. Так вот лежал я и ждал спасения. Джен вколола. Вот-вот – думалось мне. Дело в том, что в тот день меня так швыряло, что я был уверен, что в коридоре соорудили кинотеатр; скорее мне даже казалось, что там и был кинозал. С высоким потолком, креслами. Мне не удавалось себя переубедить, что там как и всегда коридор госпиталя. Оксикодон не сработал. Не сработал и всё. Тут меня волной просто вынесло из моего тела; и я, одетый в костюм с галстуком, вышел из здания. Я пыхтел преодолевая боль, а когда был уверен, что нахожусь не в себе, было немного легче. Не буду рассказывать где я гулял в те моменты, а то подумаете, что и вправду отъехал мозгом. Скажу лишь, что я видел вас. Вас много. Остановитесь. Единственное, что мне пришло в голову, чтобы преодолеть боль – так это не валяться свёрнутым в калач, а сесть на кровать. И боль уйдёт, она забоится такого врага. Пока поднимался, смеялся как идиот, развернулся и сел. Вызвал по пульту помощь. Прибежала девчонка. Попросил обезболивающее. Она убежала спрашивать; когда вернулась через пару минут, то сказала – нельзя: до следующего приёма ещё два часа.

Последующий час я даже вспомнить не могу. Меня выкручивало

и ломало всего так, что имя своё забыл. Не было ничего: ни госпиталя; ни наркоты, которая могла мне в принципе помочь; ни докторов; ни даже меня самого. Была только боль. И вот она уже решала, что со мной делать. Она жонглировала мной, как хотела. В каком-то забытии я снова нажал на пульт. Пришла Дженифер, и увидев, что я сейчас просто потеряю последнюю связь со своим телом, вколола оксикодон раньше времени. Теперь он помог. Я наконец-то начал обретать осознание себя самого; что именно во мне и образуется эта самая боль, а не что она единственная сущность, ради которой всё вокруг и крутится. В изнеможении я вырубился.

Когда мне становилось чуть полегче, то не верилось, что процесс выздоровления может проходить именно так. Казалось, что врачи напутали чего и боль больше, предполагавшейся ими в сотни раз. За это время поменялось две или три палаты, в промежутках между уколами я только и мог писать медсёстрам: “почему так плохо?” Все успокаивали меня, но это было всё, что они могли делать. Через семь дней после операции ко мне пришли две девушки из отдела физиотерапии. Они сказали, что мне необходимо ходить. Иначе я уже не поднимусь. Одна взяла и прогулялась со мной по коридору, одной рукой придерживая меня, другой толкая капельницу. Мы прошли шагов двадцать в одну сторону, развернулись и вернулись в палату. Я упал на кровать и не мог отдышаться. Тем более резанная нога не особо меня слушалась. Мне предстояло посещать занятия каждый день. Это совпало с неделей интернов.

Спать тогда я не мог, потому что сгустки крови напрочь забивали мои дыхательные пути. И проспав часа два, я еле-еле умудрялся потом отдышаться. Медсёстры бегали и постоянно делали мне откачку сгустков, которые напоминали сопли, только были бордово-красного цвета. Чувствовалось как они проникают в мои лёгкие и я тону. Всю неделю я спал ровно по полтора часа в сутки. Сестра, которая тогда вела меня, была строгая и не давала обезболивающее чаще разрешённого времени. Примерно в полночь я получал свою дозу и мигом ложился спать на бок. Гной постоянно тёк у меня изо рта, поэтому так я предотвращал возможность захлебнуться им. Спал не больше полутора часов. Просыпался от сильнейшего удушья и звал сестру откачивать мокроту из горла. Действие обезболивающего проходило к тому моменту. Ведь я лежал боком и упирался челюстью в подушку, отчего она начинала невероятно болеть. Рядом со мной лежала отсасывающая трубка,

через которую я откачивал гной изо рта без помощи медсестёр. В день набирался полный бак в литр. Машинка откачивала гной и слюни, выделение которых зависело уже не от меня. Они выделялись в ответ на постоянное дыхание через рот. Нос был по прежнему лишь аксессуаром лица. Он не выполнял ни единой функции. Иногда трубку в горле закупоривали, чтобы я привыкал к меньшему поступлению кислорода и тогда я дышал только через рот; губы сохли как в мультфильме.

Я вставал около двух часов, отключал себя от капельниц и шёл в туалет. Там я вставал перед зеркалом и максимально открыв рот, вычищал из него гной механически. Мне дали специальные щётки, которыми я и чистил между зубами, язык и шишку. Дело в том, что когда мне добавили материал в челюсть, то как побочное действие выросла шишка. Это что-то наподобие десны, только округлой формы и в ненужном месте. Она и была производителем гноя. Она вся была покрыта тонким слоем гноя, который напоминал пенку в стакане молока, только желтее и твёрже. Я чистил эту шишку аккуратно, но она была настолько нежной, что моментально начинала кровоточить. И тогда я наклонял голову в раковину и как мог выплёвывал гной, разбавленный свежей кровью. Было ужасно неприятно, но выбора не было. Только благодаря этому я и выздоравливал быстрее – делал больше, чем просто ждал. Я понимал, какой мне сделан подарок. Если бы это произошло само по себе, да я бы сдался наверно. Сидел бы и плакал – почему, да за что такое? А тут это не отвлекало, и в процесс выздоровления вкладывались все физические и моральные силы. Тем более я увидел улучшение, а это как Архимедова сила при подъёме тела со дна.

Спал я всё так же мало и меня по утрам таскали на час в спортзал, если его можно так назвать. Там меня учили заново ходить. Раньше только в кино мне доводилось видеть такое. Теперь я воскресал сам. Я еле-еле поднимал над головой гантели в пять паундов, дистрофия была сильнейшей. В первый день я потерял больше литра крови. А за две последующие недели стал весить шестьдесят семь килограмм, против восьмидесяти в день несчастного случая. Они показывали мне как нужно поднимать ноги, чтобы они возвращались к обычному состоянию. Я кричал, ревел, но не мог поднять прооперированную ногу. Слёзы текли из-за обиды, на боль было плевать (Именно тогда я вспомнил про бабушку. Дело в том, что последние свои годы она доживала лёжа на диване. У неё было два

инсульта, после которых ей отбило левую сторону. Я постоянно ругался с ней и обвинял в лености; в отсутствии желания выздороветь. Мне казалось она притворяется. Как же мне стало стыдно на занятии по реабилитации. Ведь правда не получалось поднять ногу; она меня совершенно не слушалась. Как же я был не прав. Прости меня, пожалуйста, бабушка. Дурака такого. Царствие небесное тебе). Но всё равно по темпам выздоровления я опережал и их график. Когда занятие заканчивалось, я сидел и ждал, пока меня повезут в палату(а это скажу я вам мероприятие не быстрое) и начинал вырубаться, опускать голову на грудь. Из рта гной тёк прямо на халат. После специально для меня прикатили мобильный насос по откачке гноя. И примерно посередине занятия я тратил минуту-две, чтобы прочистить ротовую полость.

Итак. Я увидел свет и шёл к нему. Теперь борьба обрела смысл и силы появились во мне неизвестно откуда. Каждую ночь я чистил свой рот щёткой и салфетками. Но щёткой я не мог чистить язык; рот получалось открывать очень узко. Тогда я взял деревянные палочки, которыми мне обычно смазывали шов на ноге. Эти палочки были с ватными головками на конце; в длину они были сантиметров пятнадцать. Мне удалось разглядеть засохший гной на язычке: он свисал как плёнка. Да и язык весь был покрыт засохшим гноем как пышки каймаком. Я начал как бы сметать гной с языка, изо рта выпадали кусочки. Становилось очень тошно и от манипуляций над языком и от понимания, что именно выпадало у меня изо рта. За первую ночь вычистить не удалось, слишком он уже успел присохнуть к поверхности языка. Когда начал пытаться снять гной с язычка, то начался сильнейший рвотный позыв. Я бросил палочку в раковину и плотно прикрыл рот ладошкой. Несколько минут так и простоял, стараясь как можно реже дышать и проглотить то, что поднималось из моих недр. Около полчетвёртого я успокоился и попросил обезболивающего. Боль уже была не такая сильная и я кололся только перед утренним обходом, до похода на терапию и перед сном. Мне стало ясно как легко подсесть на такие препараты.

На следующий день точно так же, проспав меньше двух часов, я принялся вычищать гной. Он успевал собираться очень быстро. Постоянно приходилось откачивать его при помощи вакуумного насоса; он день и ночь шипел рядом со мной. Я его отключал только когда выливал заполнившуюся тару. Итак, в ту ночь мне удалось добраться до гноя на маленьком язычке. Я сорвал его ватной

палочкой. На третий день удалось полностью вычистить язык. В ту самую ночь моя жизнь в госпитале поменялась на до и после. Каждый день по нормам гигиены, медсёстры должны были менять мне двухунцевые шприцы, которыми мне и заливались все препараты через трубку в желудке. Так в утро того дня я оставил шприц и пластиковую колбу для воды в ванну. После того как я прочистил свой рот от гноя, решил его и сполоснуть из громадного шприца. Набрав его полный, я аккуратно выливал из него воду на язык и она стекала из влажного рта. Я танцевал от счастья. Впервые за три недели удалось воспользоваться ртом по назначению. Раньше, когда хотелось пить, я набирал этот шприц и выдавливал его себе прямо в желудок(через трубку). Естественно жажда не проходила, но становилось как-будто легче. И вот я нечаянно сильнее нажал на шприц и вода попала в горло. Как будто простоявший годы в гараже Цюндапп, завёлся. Я правда даже поперхнулся с этих двух капель, и закашлял, но зато узнал, что всё работает – и скоро я смогу пить через рот! Вот это счастье!

Никто из врачей не предлагал мне дополнительных действий по выздоровлению, решающую роль играла интуиция. Благодаря тому, что рот очистился от гноя, слюны стало выделяться меньше, реже приходилось её откачивать. Я приучился спать в сидячем положении, при этом гной всё-таки был, но он стекал на воротник халата и я им не давился. Спать удавалось и благодаря уменьшению количества мокроты в лёгких. Отключили кислородный шланг, который пристёгивался к моей трубке в горле.

Решено было уменьшить размер трубки с диаметра 6 на 4 миллиметра. Не знаю почему, но для этого пришлось снять мой ошейник, на котором и держалась большая трубка. Мне пришили новую трубку в живую, без наркоза, потому что нельзя было. Просто пришли два врача и наклонили мою кровать чтобы голова оказалась ниже ног. Они вкололи слабый обезболивающий раствор местного назначения прямо возле дырки в горле. После чего не церемонясь по очереди пришили каждый со своей стороны. Индус, который пришивал справа, задавал вопросы студентке, которая в тот день тренировалась на мне. Только слушая их внимательно и максимально отвлекаясь, мне удалось пройти этот этап практически безболезненно. Несколько дней я ходил с пришитой к горлу трубкой; когда шея затянулась до нового размера, мне снова одели ошейник на липучке. С физиотерапии меня выписали. Я уже научился ходить, из ноги

вытащили скобы и тот самый шланг, через который откачивали лишнюю жидкость из ноги. Помощник хирурга сказал мне задержать дыхание, чтобы было легче. Когда по сигналу я проделал это, он дёрнул этот шланг из моего бедра. Я взвыл не столько от боли, сколько от неприятного ощущения – шланг оказался длиной сантиметров в сорок и доставал почти до колена. Не буду уже упоминать о десятках рентгенов, ультразвуков и всевозможных контролей за состоянием моего выздоровления.

А тем временем мамка уже была в Москве. Она много чего пережила, первую неделю просто провалявшись в слезах. Дед колени стёр денно и ночью молясь за меня. Мамка тоже начала ходить в церковь каждый день. Тут за меня молился Ангел. Мамка звонила мне, а я укал и мыкал ей в ответ. Зато она хотя бы понимала, что я не дурак(в общем понимании). Она ждала решения по визе, госпиталь вызвал её в штаты, чтобы она ухаживала за мной.

На день её приезда была назначена операция на нёбе и лбе. Я уже пил молоко и соки через рот; параллельно самостоятельно заливал в трубку на животе специальное питание(так готовили к самообслуживанию). Начал включать телевизор. Ровно месяц я его ни разу не включал. Дело было даже не в том, что я его не смотрю последние несколько лет. Просто не имея возможности даже пить, не хотел лишний раз себя мучить: после той рекламы со стаканом воды, три дня ни о чём другом думать не мог. Казалось, когда смогу снова пользоваться ртом и чувствовать вкус, то каждый раз буду пить или соки, или газировку. Всё-таки больше трёх недель не чувствовал ни единого вкуса. Никому не пожелаю такого. Меня снова оперировали почти весь день, даже два доктора ассистировали моему: один отвечал за лоб, другой за восстановление перегородки в носе. Меня привезли в палату часа в четыре дня. Как только я очнулся, ещё возле операционной(ровно час после операции пациента ещё держат под наркозом, смотрят как он, и лишь потом будят) почувствовал боль в копчике. Дело в том, что ещё в тринадцать лет мы с братом ехали на пляж в Цимлянске, а спуск там крутой. Я сидел на рулю его велосипеда; он резко затормозил и я жопой три метра летел по асфальту. С тех пор копчик у меня сломан, и это ещё один повод помнить засранца брата. Так вот наверно я семь часов лежал на нём; из-за него мне даже пресс нельзя качать на мате; это невыносимо. Короче сутки я мучился с копчиком. Мне его смазали и т.п. Лежал на боку. Нёбо сделать не успели, лоб занял больше времени, чем

предполагалось. Лоб не так сильно выбил меня из колеи.

На следующий день ко мне в палату зашла мама. Я понял как ошибался насчёт неё эти годы в Америке. Мне казалось, что я нужен ей лишь чтобы свои не воплощённые амбиции вырастить во мне. Как же она меня доставала с институтом, хотела, чтобы я работал инженером, семью завёл. Мне казалось, что она не примет моего собственного сценария моей же жизни. Даже когда она согласилась с тем, что я остался здесь, и то я её не особо жаловал. Я думал мамка меня не поймёт в любом случае, поэтому ничего ей и не говорил. Она знала про меня лишь чётко дозированную информацию. Как же мама обрадовалась, увидев меня. Она склонилась и поцеловала мои руки. Лоб был зашит; исчезла дырка в которую запросто можно было просунуть палец; иногда я её разглядывал в зеркало, отодвинув пластыри вбок. Дай бог чтобы вас обошло разглядывание своей дырки во лбу. Она была счастлива просто тому, что я жив. Всего-лишь жив. Я настолько научился видеть людей, что вмиг заметил бы фальшь. Она меня любит! Своего недостойного сына. Я тоже её очень люблю! После мамка призналась, что думала, что у меня нет носа(отстрелен) и поэтому боялась испугаться моего вида; боялась оскорбить меня своим отвращением к моему лицу. Но лицо у меня было терпимое, если не считать кровавого шва поперёк лба и вмятины между бровей, в которую можно было положить палец, как в выемку на пепельнице сигарету.

Она не плакала. Я тоже. Мы серьёзно поговорили, её привёз на метро дружище, чтобы она запомнила как пользоваться сабвеем. Они побыли примерно час и ушли. Я уже похоронил себя мысленно; потом похоронил и явно, пока истекал кровью на полу тира. И вот она пришла ко мне. Наверно я действительно прощён, раз заслужил такое счастье – маму. Она ездила ко мне каждый день и сидела часов по пять. Она искренне удивляла медсестёр полнейшим отсутствием английского. Даже когда они говорили “He's doing good” и то она улыбалась, крутила ладони в разные стороны и говорила “Но спик инглиш”. Мамка очень понравилась помощнице моего хирурга. Лайза сказала, что моя мама так искренне признавалось, что ничего не понимает, это было так мило для американки. Когда мамка впервые увидела моего хирурга, то откопав все свои знания английского, кои пылились в её памяти с академии, сказала ему “Сэнкью. Май сан!” И он обнял её. Мамка показывала ему большие пальцы, а он чуть ли не смеялся от умиления. Не привыкли они к таким искренним людям.

Мне предстояла операция по восстановлению нёба. На этот раз все знали о моём копчике и положили меня слегка набок. Операция началась в час дня и уже в восемь я лежал в своей палате. Мне было очень плохо – после операции был огромный отёк. Лицо раздулось раза в два напротив обычного состояния. Даже мои черты исчезли, я стал похож на огромного игрушечного пупса. Мне так и представлялось туловище к этому лицу, раза в четыре шире моего. Ту ночь я не спал и не ел. Мне никто не сказал, что можно есть. Оксикодон не справлялся и я рыдал, и кричал медсестре. Она забыла положить мне пульт, а я от боли даже не додумался его попросить. Поэтому каждый раз, когда было невмоготу, приходилось хныкая выкрикивать её имя. Она приходила, выливая утку, и говорила, что не может дать ещё того же, правда на второй раз помимо кодона влила мне и морфина. Меня хоть как-то попустило, но уснуть не смог.

Днём меня вёл спокойный паренёк Шон. Он был может на год-два младше меня. Очень спокойный и исполнительный. С самого утра я замучал его с обезболивающим. На утреннем обходе терапевта я сказал, что мне мало оксикодона и в промежутки между ним разрешили морфин внутривенно. В десять утра приехала мамка. Она видела как мне плохо. И когда мне чего-нибудь хотелось, то она шла в коридор и говорила Шону “Ка-пель-ница кон-чила-сь”. Я смеялся с неё. Им что капельница, что обороноспособность; всё одно. Но она меня не слушала и всё равно каждый раз шла звать их сама. Только в четыре часа я спросил за еду, голод съедал меня. Оказалось, что есть можно и никто не запрещал в этот раз сутки не хавать после операции. Часов в пять вечера она уехала и я остался один. Странное дело: когда её не было, мне одному удалось пережить самое сложное. И ничего. Сейчас же мне её сильно не хватало. Только в полночь я отрубился, проведя без сна двадцать восемь часов. Ночью тоже был молодой парень, так он вкалывал мне оксикодон, а через два часа, когда меня начинало выворачивать от боли, давал морфин. Морфин внутривенно я не любил – от него полнейшая дезориентация в пространстве. Сидишь на кровати, а как будто на карусели Вихрь, у которой кресла на цепи. Зато я приловчился спать в промежутке в эти два часа. Дольше и не получалось. Хоть на вторую ночь и отключили кислородную трубку, но и в левой и в правой руке было по капельнице. Поэтому долго спать было даже опасно – боялся их вырвать. На тот момент я провёл в госпитале почти шесть недель. Ни один человек из персонала не помнил, чтобы кто-то находился там

так долго. За это время вены в моём организме практически растворились. Капельницу получалось поставить раза с третьего. Поэтому я пододвигал поближе к кровати стойку с капельницами и найдя максимально удобное положение трубок, позволял себе вздремнуть. На третий день стало полегче, и я уже не гонял Шона. Мне разрешили пить, но только со стакана(из-за использования трубочки небо могло не зарости). Спустя несколько дней мне разрешили есть. Разрешить то разрешили, но я не мог. Мне принесли толчёную картошку. Я ответственно подошёл к этому шагу: положил в рот пару ложек и минут двадцать пытался её жевать. Это было часов в семь вечера. Слёзы текли по щекам, это были слёзы обиды – мне совершенно не удавалось управлять своей челюстью. После неудачных попыток я просто выковырял маленькие кусочки не растолчённой картошки пальцем и выкинул их со злостью в раковину. Челюсть совершенно не слушалась меня. Вот на этом моменте меня и выписали домой.

Медсестра, которая меня готовила к выписке принесла как можно больше банок с моей едой, за день до выписки друг Винни тоже стырил для меня все банки, что были заготовлены на тот день. Я даже писал Винни моё отношение к нему “I like you, Vinny! You are fucking crazy!”, в ответ на это он смеялся и искренне радовался. Я написал записку:

Спасибо всем большое.

Каждому работнику этого госпиталя я выражаю свою
благодарность. Вы помогли мне выжить.

Спасибо вам большое.

Берегите себя.

Дата и подпись.

Медсестра сказала мне – ты увидишь небо, солнце; семь недель ты не имел возможности видеть их в живую, без стекла окон. Мама даже сказала ей “Ю вери найс вумэн”. Мы ещё раз простились и двинули к машине. Дружище уже ждал нас у входа. Я вышел на улицу. Впервые после восемнадцатого июня я вышел на улицу. Третьего августа. Семь недель ада, во время которого я много раз умирал и воскресал. За эти недели мной было пережито боли больше, чем переживает футбольная команда за всю жизнь. У меня было операций больше чем у всех моих друзей и знакомых вместе взятых. И это оставалось позади. Я вышел живым! Каким и думал выйти из тира.

Я победил. Оказался сильнее реальности...но, реальности придуманной самим мной. То есть получается, что я перестал бояться крокодила в тесных кроссовках. Ирония. После госпиталя мне пришлось ещё многократно посещать офисы докторов. Ещё два месяца пришлось преодолевать различные трудности на пути к выздоровлению. Хирург Ryan Heffelfinger вытащил меня обратно из состояния, в котором мне казалось уже лучше умереть. Мы с мамкой очень очень очень благодарны ему. В сентябре он зашил мне лоб, теперь я выгляжу как обычный человек. Две недели назад у меня была последняя консультация в этом году в его офисе. Я сидел и ждал его прихода; на столе лежала палочка, которой прижимают язык, когда смотрят горло. Я сидел и представлял как на неё оседают микробы и умирают. Эта палочка обработана от них и имеет специфический вкус. Так вот эти микробы падали на неё и умирали. А почему? Да потому что они нам противны, вредны. Люди не умеют смотреть на вещи как на хорошие, или плохие. Мы научились видеть всё только как хорошее, или плохое для нас. А то, что эти микробы живут в самых незвучных местах никого не волнует. Может они выбрали бы себе место и получше, да у них выбора нет. Господа, вам пора перестать ненавидеть микробов за то, что у них нет выбора.

Интересная штука жизнь. Неужели мне чтобы начать жить непременно нужно было себя убить? Сначала я не видел ничего, да; но когда оторвал взгляд от пола, увидел четыре стороны света и не смог выбрать конкретного направления. Поэтому пошёл во все стороны сразу. Это и порвало меня. Перед тем как зайти в тир, я представлял себе как приеду домой, зайду в институт, подарю Анатолию Вячеславовичу канадские центы. Эти монеты попадают в употребление, но очень редко. В стране, где так много плохих людей, я часто ловил себя на воспоминаниях об этом человеке. Хорошие люди есть, факт. Теперь уверенно могу заявить об этом. Нам многие помогли преодолеть эту ситуацию. Выражаю им благодарность. “Я вспоминал о вас и это помогало мне верить в людей” - так и думал сказать ему. Дело в том, что я хотел стрелять в висок. Наверно это всё нервное напряжение проявило себя и пуля загремела под подбородок. В моём случае это решающий фактор.

В этот раз между мной и доктором был такой диалог:

-Я хочу, чтобы вы знали, что когда спасли мою жизнь, на самом деле спасли больше. Как минимум вы спасли ещё одну — жизнь моей матери.

-Что она сказала?

-Что не смогла бы без меня.

-Это очень приятно: знать, что помогаешь людям.

Вообще эта ситуация вывела меня на новый уровень. Я раздробил себе череп(даже зубы можно будет вставлять лишь через полгода: нет кости, к которой их крепить), семь недель жарился в аду, прихрамываю теперь на левую ногу, зато обрёл желание жить. Теперь совершенно не боюсь смерти. Да и жизнь панически бояться перестал. Конечно за семь недель было и осознание случившегося, и радость что остался, но больше всего было боли. Тупой физической боли.

Да; у меня получилось избавиться от всех остальных грехов, но самым сильным грехом оказалось тщеславие. Оно осталось последним, на пути срубая головы соперников, как главный герой фильма “Горец”. Оно разрослось настолько, что овладело мной совершенно. Тетрадь я сжёг; это правда. Поэтому и вышло так рвано — приходилось вспоминать мысли за последние два года. А ведь самое жёсткое сгорело навсегда. Просто тогда мне казалось, что это слишком ненужные мысли; они никому не пригодятся. Теперь то я знаю точно зачем написал всё это. Не знал кто будет это читать, поэтому опять подсунул куклу, из которой выходил воздух. Не важно, что тут написано — важно лишь о чём вы задумаетесь после этого. Мне, как дереву Ницше, важнее семена чем плоды: не как это вас накормит, а что посеет.

Из-за своего тщеславия я видел себя как частичку в мире. Разделяя себя с ним посредством кожного покрова; и только пережив такое, понял что я частичка мира. Он пронизывает каждого из нас насквозь. Вам не понять, что я испытываю, когда на улице ветерок дунет мне в лицо. Даже если мне удастся максимально близко описать моё состояние и вы изойдёте слезами, то вы и рядом не будете с моими скупыми слезами осознания — а ведь ничего этого уже могло бы и не быть. Иногда я дёргаюсь и не могу уснуть: чувствую как пуля, подобно большому жуку снова лезет сквозь мой череп. Это ужасно; но в моём случае оно того стоило. Давайте жить. Тем более, что ещё два с половиной года я буду единственным кто из нас получил возможность быть на свободе. А это [не такой уж и плохой процент]

Посвящается двум Дима́м.
Двум безвременно ушедшим братьям.